

Фонд «Алексей»

Ангуш

Алексей Фомин

Ануш

«Издательские решения»

Фомин А.

Ануш / А. Фомин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838899-6

Таджикистан, начало 90-х, гражданская война. В результате трагических событий русский мальчик Андрей оказывается на территории лагеря таджикских беженцев в Афганистане. Тут он начинает постигать, что бывает, когда внезапно оказываешься вдали от дома, там, где ты чужой и можешь погибнуть просто за свое настоящее имя и свой родной язык. Там, где много лет идет бесконечная война. Он должен будет пройти путь от контрабандиста до моджахеда, чтобы вернуться домой, защитить себя и тех, кто рядом.

ISBN 978-5-44-838899-6

© Фомин А.

© Издательские решения

Содержание

Начало...	6
Начало...	7
Часть первая Беженец	11
До начала...	11
Похищенный	15
Больной	22
Работник	27
Носильщик	32
Гости	43
Ученик	48
Сватовство	58
Хасан	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ануш

Алексей Фомин

Несмотря ни на что, это все же просто художественное произведение

Посвящается моим настоящим друзьям.

Дизайнер обложки Виктория Маслихова

© Алексей Фомин, 2022

© Виктория Маслихова, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-4483-8899-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало...

Несмотря ни на что, это все же просто художественное произведение

Посвящается моим настоящим друзьям.

Начало...

Он пришел в себя от того что его раскачивало... Раскачивало его методично и монотонно... Единственное, что он понял, что он лежит и его тело качает... Попытка открыть глаза ни к чему не привела, веки отказывались повиноваться. В голове стоял шум, который мешал слышать, что происходит вокруг. Вновь наступило забытье.

Второй раз он пришел в себя... Ужасно болела голова. Он попробовал пошевелиться. Руки и ноги он даже не смог сдвинуть с места, однако их он почувствовал. Попробовал пошевелить пальцами руки и у него получилось... С усилием он попытался вновь открыть глаза... Веки дрогнули... Перед собой он увидел только темное пятно.

Он пришел в себя от того что его раскачивало... Раскачивало его методично и монотонно... Единственное, что он понял, что он лежит и его тело качает... Попытка открыть глаза ни к чему не привела, веки отказывались повиноваться. В голове стоял шум, который мешал слышать, что происходит вокруг. Вновь наступило забытье.

Второй раз он пришел в себя... Ужасно болела голова. Он попробовал пошевелиться. Руки и ноги он даже не смог сдвинуть с места, однако их он почувствовал. Попробовал пошевелить пальцами руки и у него получилось... С усилием он попытался вновь открыть глаза... Веки дрогнули... Перед собой он увидел только темное пятно.

«Папа, иди он проснулся!!!» – прорезал воздух чей то крик, больно ударивший по ушам. Единственное, что коснулось его сознания, так это то, что крик был не на его родном языке. Что-то яркое ударило в глаза... Веки закрылись сами собой и силы вновь покинули его.

Он не знал, сколько длилось следующее забытье. Ему снились сны, сумбурные сны. В них люди бежали, кричали, было много шума и ярких вспышек. Когда он очнулся, то сразу смог открыть глаза. На этот раз картинка была более четкой. Над собой он увидел натянутую серую брезентовую ткань. Приложив усилия, он повернул голову и огляделся. Похоже, что сейчас он находился в палатке. Обстановка была достаточно скудной. Посреди палатки, как-то неаккуратно изготовленная, чадила самодельная печка-буржуйка, пара деревянных ящиков у стен, с наваленными на них шерстяными одеялами, несколько полотняных мешков, доска, лежащая прямо на полу и приспособленная под стол, на которой стояла пара пиал и закопченный чайник. Несмотря на горевший огонь, в палатке было довольно прохладно.

Сам он лежал на одном из ящиков и был накрыт шерстяным одеялом. Его голова была перемотана бинтами, нога была крепко зажата между двумя деревянными брусками, крепко перевязанными между собой веревками.

Он попытался подняться. Во всем теле чувствовалась слабость, опять же тупо болела голова. Стоило ему приподняться, как голова жутко закружилась, его затошнило. Он лишь успел отвести голову в сторону, как его вырвало. Оказалось, что внутри у него почти пусто, и он скривился из-за спазма, пронзившего живот.

Полог палатки приоткрылся и в нее вошла девочка. Ей было лет двенадцать. На девочке был длинный национальный халат жителей востока, или как его называли «чапан», который был ей большим по размеру, ее голову покрывал платок, а в руках она держала небольшую вязанку хвороста. Увидев его, она выронила хворост, и закричав на чужом для него языке: «Папа, папа!!!», выбежала из палатки. Через несколько секунд в палатку вошел мужчина лет сорока, с густой черной бородой, в которой виднелись пряди седых волос. Мужчина подошел к нему и присел на корточки перед лежащим мальчиком.

– Мадина, убери тут, – обратился он к девочке просунувшей голову сквозь вход в палатку.

Девочка тут же юркнула вовнутрь и, найдя тряпку, старательно вытерла то, что вышло из его нутра, и исчезла на улице.

– Здравствуй, – обратился мужчина к нему на русском языке, – Меня зовут Файзали Уктамович, можно просто, дядя Файзали, – улыбнулся мужчина, – Как ты себя чувствуешь?

Лежащий покачал головой:

– Не очень, – выдавил он из себя слова. Голос был слабый и хриплый.

– Ничего, даст Бог, выкарабкаешься. Это ты еще на поправку пошел, по сравнению с тем, что было... – снова улыбнулся Файзали.

– Я в больнице, да? А где мама? – прохрипел лежащий перед Файзали мальчик.

Файзали промолчал. Он только сказал:

– Не волнуйся, все будет хорошо. Ты сам что-нибудь помнишь?

Мальчик напрягся. Какие-то обрывки памяти стали возникать в его голове. Но острый приступ головной боли пронзил его мозг. От боли он зажмурил глаза. Сквозь боль он услышал голос говоривший: «Пей!». Он послушно открыл рот и вовнутрь потекла теплая жидкость, от которой ему стало хорошо и боль ушла. Мальчик снова забылся сном.

Снова он очнулся. На этот раз в палатке у печки сидела та самая девочка и что-то шила при свете керосиновой лампы. Увидев, что он очнулся, она улыбнулась и сказала: «Привет». Девочка была для своих лет маленькая и худенькая, но на ее лице светились большие и очень красивые темные глаза с очень длинными ресницами.

В ответ он кивнул.

– Ничего не болит? – спросила девочка.

Он покачал головой

– Когда я тебя нашла, ты был весь в крови, у тебя была вывихнута нога, и папа сказал, что, наверное, со-тря-се-ни-е мозга, – проговорила он по слогам.

Он немного помолчал и спросил:

– А твой папа врач?

– Да, он был врачом в городе. А потом началась война. Мы уехали жить в кишлак... Это он тебя забрал с нами и лечил, а то ты бы умер.

– Куда забрал? – не понял он.

Девочка сразу замолчала.

– Меня зовут Мадина, – вдруг снова вспыхнула она, – А я знаю, как тебя зовут.

– И как? – спросил он.

– Андрей Покровский, – хихикнула она.

– А откуда знаешь? – удивился он.

Она встала и принялась рыться в одном из ящиков. Она достала оттуда какой-то предмет и подошла к больному.

– Это было у тебя. Там вообще была целая сумка, но папа сказал, чтобы я ничего не брала из нее с собой. А это я взяла, по – тихому. Мне там картинки понравились, – с этими словами она протянула ему вещь.

Это была школьная тетрадь. На первой странице значилось имя, фамилия и класс – 8 «А», где он учился. Мальчик стал ее листать. Это была тетрадь по биологии, где, помимо всякого рода конспектов и домашних заданий, было большое количество рисунков деревьев и животных, нарисованных цветными карандашами. На некоторых страницах, особенно сзади тетради, были нарисованы ручкой забавные картинки. Некоторые рисовал он сам, другие рисовали его друзья. И тут кое-что начало постепенно всплывать из глубин памяти.

Неожиданно из тетради выпало фото. Андрей посмотрел на него. Он сразу узнал людей, изображенных на снимке. Там была его семья. Это было первого сентября пару лет назад, на школьной линейке. Мама – в строгом костюме, как и подобает учительнице, отец – в белой рубашке и серых брюках, он – в белой рубашке и красном пионерском галстуке, и маленькая сестренка, которая только что пошла в первый класс. На фото все улыбались и выглядели счастливыми. Он не помнил, как это фото оказалось у него в тетради.

Комок подступил ему к горлу, а на глаза навернулись слезы.

Полог палатки открылся и вовнутрь вошел Файзали. Девочка быстро забрала тетрадку и сунула ее под одеяло Андрея, делая вид, что поправляет его.

Файзали, заметив, что Андрей очнулся, но чем-то расстроен, строго посмотрел на Мадину.

– Что случилось? – спросил он.

– Где я? Где мама? Я хочу домой, – сквозь слезы проговорил Андрей.

Лицо у Файзали сразу переменилось, и на нем отобразилась растерянность, он наклонился к Андрею и сказал:

– Ты пока еще слабый, вот подлечишься и тогда сразу домой. Скоро мама и папа придут. А сейчас спи.

Через некоторое время Андрею сделалось лучше. Головокружение и тошнота немного отступили. Тогда он вновь спросил Файзали о том, где он находится, и почему не приходят его родители? Файзали посмотрел на мальчика. Он понимал, что оттягивать разговор нельзя. Мужчина вздохнул и сказал:

– Извини, парень... – начал он, – Когда тебя нашли, ты был едва жив. Я не смог бросить тебя, ты бы умер. Пришлось взять с собой. Наш кишлак весь разбомбили, и мы вынуждены были уйти... Далеко...

– Куда? – от испуга на глаза Андрея накатились слезы.

Файзали помолчал и ответил:

– Ты не беспокойся, как только будет возможность я помогу вернуться тебе домой, но пока нельзя... Все очень сложно... – Файзали пытался подобрать нужные слова, но у него не получалось.

– Дядя Файзали, где мы? – не унимался Андрей.

Файзали помолчал и коротко ответил:

– В Афганистане.

Андрей несколько секунд молча смотрел на него. Он пытался осознать услышанное. Потом вновь подступили слезы.

– А моя мама, мой папа?... – уже задыхаясь слезами, спросил Андрей.

Файзали опустил голову:

– Я не знаю где они. Они остались на той стороне, в Таджикистане. У меня тут живет двоюродный брат, и пока все не утихомирится на родине, мы были вынуждены уйти сюда. Ты – мужчина, ты уже взрослый и пойми только правильно. Я не мог поступить иначе и оставить тебя умирать, – помолчав, продолжил он, – ушел почти весь наш кишлак, а по дороге мы встретили еще много людей, которые бегут от войны и смерти. Ты меня понимаешь?

Андрей захлебывался слезами. Файзали обнял его и сказал:

– Ты должен быть сильным парень, если хочешь вернуться домой... Мы все этого хотим. Я люблю свою землю и с тяжелым сердцем покинул свой дом. Но пока мы тут, мы должны быть сильными. И ты – мужчина, ты должен быть сильным. Ты меня понимаешь? – пытаюсь успокоить плачущего мальчика, произнес Файзали.

Андрей всхлипывал еще несколько секунд, а потом вдруг перестал. Он поднял полные слез глаза, вытер их рукавом и более окрепшим голосом произнес:

– Я буду сильным, дядя Файзали. И я все понимаю...

Файзали подошел к нему еще крепче прижал его к себе:

– Я знал, что ты настоящий мужчина. А теперь ты должен понять кое-что еще. Ту ба забони тоджики гап зада метавони?¹

---

¹ Ты говоришь по-таджикски? (тадж.)

– Кам-кам метавонам²... – ответил Андрей.

– Хорошо, пока не выздоровеешь, я буду заниматься с тобой языком. Запомни, ни в коем случае не говори тут по-русски, иначе можешь найти огромные неприятности. Постарайся пока ни с кем не разговаривать, а если с тобой заговорят, лучше молчи. Среди местных афганцев многие воевали еще с советскими войсками и некоторые не очень-то жалуют русских, а еще тут полно боевиков с той стороны границы, из Таджикистана.

Андрей понимающе кивнул.

– И еще..., – тут Файзали помолчал, – Мало ли как обернется, но пока ты был без сознания, я немного подстраховался и как бы сказать, сделал из тебя мусульманина...

У Андрея расширились глаза. Файзали почесал затылок и тихо произнес.

– Я сделал тебе обрезание...

Мальчик побледнел еще больше, и он автоматически посмотрел на себя под одеялом. Он увидел чистую повязку у себя на бедрах.

– Не переживай, – усмехнулся Файзали, – все нормально. Я же врач, – улыбнулся Файзали, – просто если кто увидит твой... Ну ты понял, без обрезания, то поймет, что ты «кафир»³ и тебе не сносить головы. Ничего страшного, привыкнешь, да и для здоровья полезно... Когда переходили границу и всем местным я сказал, что ты мой племянник. Мой настоящий племянник пропал без вести. Он был приблизительно одного с тобой возраста, но у меня остались его документы и свидетельство о рождении. Так тебя удалось провезти. Так что если кто спросит, вдруг, мало ли что, то знай, что ответить.

– И что это значит? – спросил Андрей.

– У тебя теперь другое имя. Моего племянника звали Анушервон, или просто Ануш... Теперь ты – это он. А сейчас спи.

Андрей повернулся на бок и закрыл глаза. Он был растерян и подавлен. Слишком много свалилось на него сразу. Он пытался осмыслить все услышанное, но предательский комок вновь подступал ему к горлу. Андрей сдержался.

Постепенно он стал вспоминать, что было перед этим.

---

² Немного (тадж.)

³ Неверный.

Часть первая Беженец

До начала...

Душанбе. Зима 1992—1993 года.

В классе почти никого не было. За холодными партами сидело всего лишь несколько учеников, одетых в куртки и шапки. В школе не было ни света, ни отопления. Сидевшие были из числа ребят, кто жил по-близости. Тех, кто жил хотя бы в соседних от школы районах родители просто не пустили. А те, кто жил рядом пришли лишь для того что бы услышать объявление и по возможности передать другим. Некоторых родители ждали уже во дворе школы, за некоторыми должны были зайти соседи или родственники, чтобы проводить детей до дому. Складывающаяся ситуация в городе требовала особых мер.

Учительница грустно обвела взглядом сидящих перед ней нескольких учеников восьмого класса и заговорила:

– Ребята, в связи с тем, что обстановка в городе плохая, было принято решение о временном прекращении занятий в школе.

Дети стали радостно переглядываться и шушукаться. Несмотря на то, что вокруг был беспорядок, а по ночам практически постоянно гремели выстрелы, дети оставались детьми, и для них известие о неожиданных каникулах всегда было радостным.

– Но это не значит, что школа закрывается, – поспешила продолжить учительница, – просто это временная мера... Скажите это родителям и оповестите тех, кто не смог прийти, если они живут рядом или вы знаете их телефоны.

Телефоны в городе с перебоями, но работали, что было удивительно. Ведь тот хаос братоубийственного противостояния, в который погрузилась бывшая советская республика, поистине поражал воображение. Казалось, сбылось библейское пророчество об апокалипсисе, и брат поднял руку на брата. Власть переходила из рук в руки, и было сложно понять, кто действительно всем управляет. Перестрелки, грабежи и насилие просто захлестнули некогда цветущий город – жемчужину Средней Азии и столицу теперь уже независимого Таджикистана.

Тяжело было понять причины всего происходящего. Много позже историки, политологи, политики и просто мыслящие люди начнут давать оценку всему тому, что происходило в тот период в маленьком горном раю. Они начнут говорить о кризисе общественной жизни; неспособности тогдашней постсоветской правящей элиты гибко реагировать и принимать необходимые меры в соответствии с резко изменившейся обстановкой; об изжившей себя советской социально-политической системе; о начале передела власти между территориальными кланами севера и юга, гор и равнин; пробуждении самосознания у народа, желавшего вернуться к историческим корням, отнятым у него за время пребывания в составе СССР и исламском ренессансе и так далее. Потом причин будет названо масса, но потом...

А сейчас ситуация выглядела как растаскивание наследства только что умершего богатого родственника. И самым печальным в данном положении было то, что кто-то очень умело использовал глубоко и давно дремавшие в народе внутренние противоречия, разногласия и взаимные обиды, искусно нажимая на самые болевые точки для разжигания пожара ненависти. И у этого «кого-то» здорово получалось.

Все началось с митингов, нараставших как снежный ком, по своим размахам, количеству участников, противостоянию с властью и уровнем выдвигаемых требований. Но задача стояла одна: сменить правящие элиты, а вместе с ними сложившийся в стране в течение более 70 лет советский строй, при котором страна добилась небывалого промышленного, экономического

и социального подъема, и заменить их новыми, у которых не было выработано даже единого мнения: куда вести страну в демократию или ислам?

В результате беспорядков и столкновений действующему прокоммунистическому правительству пришлось уступить власти объединенной демократо-исламской оппозиции. Северяне, южане, жители гор и равнин, горожане и селяне, каждый этнос: таджики, узбеки, русские, немцы и другие нации стали ингредиентами в супе начинавшей бурлить гражданской войны.

В то время как оппозиционным силам не удавалось договориться, за пределами столицы города Душанбе, в ряде районов страны, сложилось несколько сил, желавших вытеснить захвативших власть оппозиционеров. Объединившись под названием «Народный фронт» эти силы двинулись к городу. Начались боестолкновения.

В районах и городах молодой республики появилось огромное количество вооруженных групп и политических группировок, которые преследовали цели от захвата власти до простого грабежа и получения наживы. Эти группы враждовали между собой, что особо негативно отражалось на мирном населении.

Душанбе не стал исключением. Жители микрорайонов, для предотвращения актов мародерства, создавали добровольные дружины для самообороны, перекрывали подъезды к микрорайонам баррикадами, выставляли посты. И практически все мужчины жилмассивов и микрорайонов, вооруженные кто чем: палками, арматурами, иногда охотничьими ружьями, несли поочередное дежурство возле импровизированных контрольно-пропускных пунктов. В подобных «ополчениях» принимали участие даже подростки, выполняя функции связных между домами и жителями, оповещая их кто и когда дежурит, какие условные знаки для своих и т. д.

В некоторых районах компактного проживания российских военнослужащих дежурили военные патрули расположенной в городе российской мотострелковой дивизии. Из-за боязни обстрелов, люди старались по ночам занавешивать все окна, и город погружался во мрак. Иногда по улицам с ревом проносилась бронетехника или машины полные вооруженных людей. А на постоянные перестрелки уже никто не обращал внимания. Привыкли.

Осенью 1992 года стали поговаривать, о том, что к городу движутся силы Народного Фронта, чтобы выбить засевшую тут «оппозицию» и передать власть новому руководству страны под руководством новых народных лидеров. Это означало только то, что следует ожидать обострения обстановки и новых боестолкновений. И к ноябрю месяца бои уже начались на окраинах города. Некоторые, наиболее ненадежные, боевые формирования оппозиции и многие криминальные группы стали покидать столицу Таджикистана, не забыв прихватить что-либо ценное.

Недолгое собрание в классе подходило к концу и Андрей, сидевший за последней партой, приготовился идти домой. Несмотря на свои 14 лет, он, как и большинство его сверстников, мало понимал всю политическую подоплеку происходящего. Зато он четко усвоил одну простую истину – чтобы достать хлеб нужно вставать в 4 утра и выстаивать гигантские очереди, встреча с вооруженными людьми в камуфляже с разноцветными повязками на голове или рукаве не сулит ничего хорошего, во время перестрелок и взрывов лучше всего прятаться в подъезде, а на крайний случай в арыке, к незанавешенному окну не стоит подходить близко иначе можно стать жертвой либо случайной пули, либо скучающего снайпера на соседней крыше. И таких мудростей он постиг уже множество. Однажды он видел, как снайпер «играет» с женщиной с ребенком, не давая ей выйти из подъезда, всегда стреляя ей либо над головой, либо под ноги, и всегда умышленно промахиваясь на пару сантиметров. Он тогда жутко испугался, но со временем чувство страха притупилось. Хотя его отец говорил, что когда у человека притупляется чувство страха, то это плохо, так как с ним притупляется и инстинкт самосохранения, а это может стать причиной бед. Однако Андрей, как и большинство всех остальных подростков, привык жить в этой реальности и даже находил в ней некую романтику.

Собрание наконец-то закончилось. Ученики стали расходиться. Андрей встал из-за парты, и собрался, уже было, уходить, когда его окликнула учительница:

– Андрей, подожди. Твоя мама попросила проводить тебя до дома.

– Хорошо Антонина Ивановна, – вздохнул Андрей.

Учительница жила с ними рядом и поэтому его мать часто попросила ее проводить Андрея домой. Андрею такой факт вообще не улыбался. Он так не хотел, чтобы его друзья видели, как его провожает училка. Он ведь уже взрослый. А вдруг его увидит та девочка из параллельного класса? Подумает, что он еще маленький и несамостоятельный, раз его провожает учительница. Но ничего не поделаешь, он обещал родителям, что пойдет вместе Антониной Ивановной. Андрей вздохнул еще раз.

Он терпеливо дождался, пока учительница соберет свою сумку и будет готова идти домой.

Они вместе вышли из школы. На улице было довольно прохладно и пасмурно. Стояла тишина. Практически не было прохожих и автомобилей. Привычная за последние несколько месяцев картина. Учительница и ученик пошли по тротуару к перекрестку.

У перекрестка, на автобусной остановке, стояло несколько человек. Они тихо обсуждали какие-то свои насущные проблемы. Один мужчина развернул большой лист, скорее напоминавший нечто среднее между газетой и листовкой и что-то показывал остальным стоявшим с ним рядом.

Обычно машин не было, но в этот раз они услышали шум быстро приближающегося транспортного средства. Ничего хорошего это не сулило и некоторые люди стали спешно покидать остановку.

Решив быстро перейти дорогу, Антонина Ивановна схватила Андрея за руку и потащила за собой. В этот момент из-за поворота, на большой скорости выехал автобус и понесся прямо на них. Расстояние между пешеходами и автобусом быстро сокращалось. Антонина Ивановна поняла, что может не успеть перейти дорогу, и отскочила назад, увлекая за собой Андрея.

Поравнявшись с автобусной остановкой, автобус резко затормозил. Двери открылись, и на тротуар спрыгнули три человека в камуфлированной форме с автоматами Калашникова. Двое из них побежали к людям на остановке, а один подняв автомат, быстро направился к Антонине Ивановне и Андрею, которые как вкопанные застыли у края проезжей части.

Оставшиеся на остановке люди попытались было броситься в рассыпную, однако один из боевиков что-то закричал на таджикском языке и сделал несколько выстрелов в воздух. Люди, пытавшиеся убежать, сразу же остановились. Два боевика приблизившись к ним, пару раз ударили рукой по голове каждого, затем, подталкивая автоматами, затолкали их в автобус.

В это время один боевик приблизился к Антонине Ивановне с Андреем. Это был крепкий мужчина лет двадцати семи, с черной бородой, поломанными борцовскими ушами, бычьей шеей и отпечатком высокомерия на смуглом лице.

– Урус⁴? – коротко спросил он, обращаясь к Антонине Ивановне.

Тот, кто жил довольно долго в какой-либо стране с иностранным языком и культурой, всегда впитывает их частицу. В случае с так называемым русскоязычным населением, которое более ста лет прибывало на эту землю и довольно долго жило здесь бок о бок с местными народами, а тем более у родившихся тут не одного поколения русских, немцев и других европейских народов, национальные обычаи впитывались с молоком матери, а близкое общение являлось причиной того, что многие «русскоязычные» в той или иной степени владели таджикским языком.

Антонина Ивановна, как родившаяся и выросшая на этой земле, поняла, о чем шла речь. Боевик спросил ее, не русская ли она? Антонина Ивановна испуганно кивнула.

---

⁴ Русский?

За последнее время отношение к «русскоязычным» было разное: от криков, чтобы они уезжали на свою родину до взирания на них как на последнюю надежду в разрешении конфликта.

Боевик посмотрел учительницу и ученика задумчивым взглядом и повесил автомат на плече.

На секунду Андрею показалось, что опасность миновала. Однако в это же мгновение бородач резко схватил его и Антонину Ивановну за шиворот и поволок к автобусу. Антонина Ивановна закричала и попыталась вырваться, Андрей тоже пытался сопротивляться, но хватка у боевика была мертвой. Тут на помощь подоспели его товарищи. Все произошло за несколько секунд.

Андрея и учительницу с силой втолкнули в автобус. Внутри уже сидело около пятнадцати человек, из которых шестеро были боевиками в камуфляжной одежде, бородами и с оружием, а остальные пассажиры были простыми жителями города, загнанными точно так же, как и Андрей. Все мирные граждане сидели у окон и выглядели жутко напуганными. Боевики собрались в центре салона.

– Садись сюда, – гаркнул боевик, тот, что притащил Андрея и Антонину Ивановну в автобус, и указал на места у окна.

Андрей и его учительница подчинились.

– Рав⁵! – крикнул тот же боевик водителю автобуса, и машина тронулась с места.

Не успел автобус проехать перекресток, как с визгом тормозных шин, спереди и сзади ему преградили дорогу два уазика. Из уазиков высыпали несколько вооруженных человек в милицейской и камуфляжной форме. Они заняли позиции позади своих машин и нацелили оружие на автобус.

---

⁵ Поехал – (тадж.)

Похищенный

Хотя обстановка в городе была близка к хаосу, все же худо-бедно функционировали некоторые отделы милиции и, несмотря на то, что условия работы были просто невероятно трудными: отсутствие централизованной власти, группировки, постоянно терроризирующие город, страх за свою жизнь и жизнь семей, все же они как-то старались выполнять задачи, которые перед ними ставило руководство. Но даже при таком раскладе видеть на улице милицейские машины было странно.

Из-за одного узика вышел пожилой полковник милиции.

– Исматулло, выходи! – крикнул он на таджикском языке, – Давай поговорим...

– Нам не о чем разговаривать! Пропусти меня, и все будут живы, – раздался голос из автобуса, принадлежавший тому самому боевику, который захватил Андрея.

– Я не могу тебя выпустить! Ты много натворил, как и твои друзья! Вами очень недовольны! Так что выходи или я отдам приказ стрелять! – крикнул полковник.

– Ты выпустишь меня, полковник, и стрелять не начнешь! – отвечал Исматулло, – У меня тут полно заложников! Ты же не будешь стрелять по людям?

Полковник призадумался на несколько секунд. Он всю жизнь проработал в органах милиции. Он не был из робкого десятка и в советское время он самоотверженно выполнял свой долг. Но тогда все было ясно: сильное государство охраняло правопорядок и покой граждан, но то, что творилось в последнее время даже его, бывалого человека повергало в шок. Спасало лишь приобретенное на годы службы чувство долга и ответственности. В руководстве МВД сейчас была неразбериха. Однако некоторые задачи все же приходилось исполнять. Новая власть была на пороге, и нужно было как-то зачищать город от огромного количества бандитских групп, заполонивших его. И вот перед ним находилась одна из многих банд. Шестеро уроженцев одного из горных районов республики несколько месяцев бесчинствовали в столице. Одним из самых сложных аспектов данной ситуации было то, что полковник знал лидера группы. Это был Исмат. Полковник знал его еще мальчишкой, когда тот жил по соседству. Он знал его мать, потому что давно был участковым в их районе. Семья была благополучная, а вот сын пошел не по той дорожке. С детства любивший спорт и занимаясь борьбой, уже в юношеском возрасте он понял, что его сила может дать ему многое. После этого он стал часто попадать в разные неприятности. И вот тогда они столкнулись: юный хулиган Исмат и твердый и решительный участковый.

Когда начались все эти события, Исмат из числа своих друзей и родственников, приехавших на митинги за оппозицию из районов республики, сколотил банду. Они быстро почуяли возможность половить рыбку в мутной воде и, раздобыв оружие, которого в городе было немерено, принялись за грабежи и разбои. К тому же большинство членов группы были наркомамами со стажем. Для официоза они вступили в одно из формирований оппозиционных сил, но, по сути, были простой криминальной группировкой. Это давало им некоторую защищенность и неприкасаемость. И, вот, когда оппозиция готовилась отступить и сдавать город, под нажимом Народного фронта, бандиты решили скрыться, что развязало руки милиции. Тогда то и поступил приказ из руководства МВД их ликвидации. Но что—то пошло не так... Бандитам удалось захватить небольшой автобус ПАЗик с водителем, а потом они начали набирать на улице заложников.

Полковник все это понимал. Он знал, что не имеет права рисковать жизнями людей. Но и отпускать группу он тоже не может. Также он прекрасно понимал, что всех находящихся в автобусе людей бандиты все равно убьют, как только покинут город. Поэтому он подумал и ответил:

– Исмат, у меня приказ, не выпускать тебя! Или ты идешь со мной, но будешь жить, либо... Я выполню приказ... Ты меня знаешь... А люди будут на твоей совести, ведь ты мог их отпустить, но не сделал этого... Аллах свидетель.

На этот раз призадумался боевик. Он также хорошо знал этого полковника, еще по временам союза, когда тот был еще простым участковым в их районе, а сам Исмат ходил в секцию борьбы.

– Что будем делать, акаи⁶ Исмат? – спросил его один из подручных, который был самым молодым в банде.

– Мы должны прорваться на восток, в район южнее Тавильдары, к моему брату, любой ценой. У него двадцать человек в отряде. Нас там не достанут, – прошипел Исмат.

Район, о котором говорил Исмат, находился порядка в двухстах километрах на восток от Душанбе. Исмат знал, что в тех местах начинают концентрироваться силы оппозиции. В последствии и области Тавильдары и соседнего Гарма станут ареной отчаянного противостояния новой светской власти и исламской оппозиции.

Боевик окинул взглядом автобус. Его глаза задержались на Андрее и Антонине Ивановне. В его голове сложился рискованный план. Исмат повернулся к окну и выкрикнул:

– Стреляй, полковник, только учти, потом с русскими командирами сам будешь разбираться!

Полковник нахмурился. Он хорошо знал, что порядок в городе поддерживается, во многом за счет дислоцируемой тут российской дивизии. К ней тут относились с уважением, а по городу усиленно ходили легенды о «летучих отрядах» российских спецназовцев, которые появлялись в масках неоткуда и вступались за русскоязычных жителей города, которые подвергались тут гонениям. С этими отрядами не хотели связываться даже влиятельные полевые командиры и уголовные авторитеты.

Но на что намекал Исмат?

– О чем ты говоришь, Исмат? – спросил полковник.

– У меня тут семья русского полковника в заложниках! – ответил Исмат.

– Ты врешь! – забеспокоился полковник.

Исмат кивнул своим людям, и они подтащили к переднему стеклу автобуса Андрея и дрожащую как осиновый лист Антонину Ивановну.

Увидев явно славянские лица, полковник забеспокоился еще больше. Ему могло здорово влететь.

– Женщина, – прокричал полковник уже по-русски, в его голосе промелькнули дрожащие нотки, – вы кто? Кто ваш муж?

Антонина Ивановна была настолько напугана, что не могла произнести ни слова и только всхлипывала. Исмат тоже понял это и приказал увести ее вглубь автобуса.

– Убедился? – крикнул он полковнику.

– Мальчик, кто твой папа? – не успокаивался полковник, – Он офицер? Он из российских войск?

Андрей ничего не ответил, он тоже был напуган и просто хмуро смотрел перед собой.

– Ответь ему, – обратился к Андрею Исмат, – Ответишь правильно, будешь жить, и я тебя отпущу, ответишь не правильно – первого как свинью зарежу, клянусь Аллахом.

Андрей исподлобья посмотрел на Исмата.

– Мальчик ответь! – все кричал обеспокоенный полковник, – Тебя как звать?

Исмат ткнул в бок мальчика пистолет.

– Андрей! – дрожащим голосом крикнул он в ответ.

– Твой папа военный? Полковник? – снова спросил милиционер.

---

⁶ Ака – брат, – уважительное обращение (тадж.)

Повисла секундная пауза.

Исмат снова ткнул Андрея в бок, но уже сильнее и взвел курок.

– Да! – соврал Андрей. Голос все так же дрожал.

– А как его зовут? – уже с надрывом крикнул милиционер.

Исмат оттолкнул Андрея от окна.

– Ну, все, хватит! Убедился? Пропусти или всех тут положу. Сам умру, но клянусь Аллахом, и их заберу с собой и твоих, сколько смогу, тоже! Ты меня знаешь! – нервно рывкнул Исматулло.

Полковник явно был в замешательстве.

– Пока не стреляйте, – обернулся он и в полголоса отдал приказ своим подчиненным.

Дело явно приобретало серьезный оборот. Он быстро направился к уазу, чтобы связаться с начальством. Остальные милиционеры остались на местах, однако сменили стойку для изготовки к стрельбе к более свободной. Это заметил и Исмат.

– Гони! – приказал он водителю автобуса.

– Но они же с оружием... – пытался было ответить водитель.

– Гони, твою мать! ... – прорычал водителю Исмат.

Водитель рванул. Дорога была перегорожена милицейскими машинами и воитель, выехав на тротуар, быстро обогнул их. Автобус, набирая скорость, понесся на восток, прочь из города.

Милиционеры растерянно смотрели ему в след, не смея выстрелить. Полковник, только что сообщивший начальству о происшедшем, выругался, и не договорив со своими командирами, прыгнул в машину и приказал следовать за автобусом.

– Исмат, они едут за нами! – крикнул один из боевиков.

Исмат подошел к заднему стеклу автобуса. Было явно видно, как милиционеры залазают в уазики и те начинают разворачиваться.

– Хусрав, – обратился он к одному из боевиков, – тащи сюда парочку заложников!

Боевик встал со своего места и схватив за шиворот двух молодых ребят, толкнул их к заднему стеклу автобуса.

– Встать тут! – приказал им Исмат.

Оба заложника послушно встали на место, куда указал им Исмат, и схватились за поручни, чтобы удержаться от качки. После этого Исмат ударом приклада разбил заднее стекло и открыл огонь по приближающимся уазикам. К нему присоединились еще два боевика. Заложники, сидевшие в автобусе, как по команде упали на пол. Это же попытались сделать и те двое ребят, которые стояли у заднего стекла автобуса. Однако мощный пинок одного из боевиков заставил их выпрямиться. Потом другой боевик метнул в сторону милицейских уазиков гранату. Граната разорвалась прямо перед машинами милиции. От взрыва уазик, едущий первым, завертелся и перевернулся. На него наскочила едущая следом машина. Последний уазик затормозил. Милиционеры стали пытаться оказать помощь своим товарищам. Погоня прекратилась.

Боевики радостно закричали.

– Всем сесть на места, – приказал заложникам Исмат.

Заложники осторожно стали подниматься с пола и занимать сиденья. Вид у всех был не просто испуганный, а близок к шоковому состоянию.

Андрей сел на сиденье рядом с Антониной Ивановной. Лицо женщины было белым как стена. Учительница прижалась к стеклу и тихо всхлипывала. Внутри у Андрея все тоже сжалось в комок, а в голове стояла непонятная пустота. Он тоже был напуган до смерти. Автобус мчался по практически пустынным улицам на полной скорости и вскоре покинул пределы города, направившись на восток. В наступившей тишине напряжение понемногу стало спадать и Андрей, подавшись внезапному чувству усталости смешанным с убаюкивающим покачиванием автобуса, погрузился в сон.

***

Он не знал, сколько проспал, но проснулся от сильного толчка в плече. Андрей открыл глаза. Над ним стоял один из боевиков.

Он приказал на таджикском языке Андрею встать, и сказал, что они прибыли в назначенное место.

Андрей послушно поднялся. Заложники, по очереди, под пристальным вниманием боевиков покидали автобус. Андрей последовал за ними. Оказавшись на улице, он огляделся. Уже начало темнеть. Солнце садилось за высокий горный хребет, покрытый снегом. На улице было холодно.

Автобус стоял на окраине какого-то горного кишлака. Несколько десятков домов, где каменных, где деревянных, но большей частью глинобитных, обнесенных дувалами⁷ тесно прижимались друг к другу, разделенные узкими улочками. Кое-где из-за дувалов были видны детские головы с любопытством разглядывающие приехавший автобус и его пассажиров.

Недалеко от автобуса стоял Исмат вместе с другим мужчиной, который явно был старше него. У него тоже была черная с проседью борода, а одет он был в длинный национальный халат, «чапан», в руках он держал белые четки. Исмат что-то оживленно ему говорил, время от времени указывая то в сторону автобуса, то в сторону заложников, то в сторону грунтовой дороги, которая, петляя, терялась где-то между горными склонами.

Рядом с человеком в чапане стояли несколько людей в камуфляжной форме и с автоматами. Он хмуро смотрел то на Исмата, то на заложников. Наконец незнакомец что-то ответил Исмату, и они оба направились к автобусу.

Боевики Исмата тут же сбили в кучу заложников и обступили их, и стали старательно напрягать шеи, выпячивать грудь и приняли угрожающий вид. Своим грозным видом они скорее хотели произвести хорошее впечатление на незнакомца в чапане, чем напугать кого-либо.

– Это мой брат Нурулло, – представил он человека в чапане своим боевикам.

– Здравствуйте, уважаемый, – чуть ли не хором произнесли боевики, при этом они сразу сменили свой угрожающий вид, ссутулились и немного поклонились, при этом они стали похожи на шакалят которые пригибаются при виде льва.

– Салом⁸, – холодно кивнул им Нурулло.

Он внимательно осмотрел боевиков Исмата, а потом и заложников. Его взгляд на секунду задерживались на каждом из заложников. Андрею показалось, что Нурулло пытается что-то прочесть в их глазах, но человек в чапане ничего не увидел в них кроме страха и обреченности.

– Ох, и натворил ты дел Исмат, – закачал головой Нурулло, – Ладно, твоим ребятам место в отряде найдется. Слава Аллаху нам предстоит много дел... А вот что делать с ними, – Нурулло кивнул на заложников, – ума не приложу.

– Обменяем на выкуп... – начал было Исмат.

– Какой выкуп?! – скептически произнес Нурулло, – Как ты свяжешься с их родными? Как теперь вообще попасть в город? Да и какие деньги сейчас у людей? Нет...

– А может того? ... – Исмат выдержал секундную паузу, – Горы умеют хранить свои тайны, – при этих словах Исмат улыбнулся уголком рта.

Нурулло глубоко вздохнул покачал головой и ничего не ответил. Было видно, что он раздумывает. Наконец он произнес:

– Оставить мы их не можем. Скоро тут может начаться заварушка. Честно говоря, жителям кишлака я посоветовал пока покинуть свои дома и уйти на ту сторону...

– В Афганистан что ли? – уточнил Исмат.

Нурулло кивнул и продолжил:

---

⁷ Дувал – глинобитная стена в кишлаках (тадж.)

⁸ Укороченная форма приветствия (тадж.)

– Могу сказать, что на данный момент там намного спокойней, чем может быть тут через пару дней. Хотя и надо сначала добраться до границы и пересечь ее. Но, слава Аллаху, наши люди и тут, и там им помогут. Короче, пока уведи этих в кишлак, тебе покажут, где их разместить. Охрану выставить не забудь. Будем решать завтра, на свежую голову... Да, и уберите автобус с дороги.

С этими словами Нурулло повернулся и направился в кишлак. За ним последовали его бойцы. Исмаат отдал приказ своим боевикам отвести людей в кишлак, а сам бросился за братом. Боевики плотным кольцом окружили испуганных людей, и повели в селение.

Заложников поместили в глинобитном сарае во дворе какого-то дома. На земляном полу лежала сухая солома, было видно, что когда-то сарай использовался как загон для скота. Пахло соответственно. Крыша кое-где протекла, и начинавшийся дождь проникал внутрь строения, принося с собой сырость и лужи на полу. Свет проникал через небольшое окно в стене. Деревянная дверь закрылась за последним человеком, и послышался скрип засова.

Теперь похищенные люди остались предоставленными самим себе. Андрей и Антонина Ивановна нашли сухой угол и сели в нем. Учительнице было плохо сердцем и она, достав из сумочки (личные вещи боевики почему-то не забрали) валидол, положила его под язык. Через несколько минут послышалось ее ровное дыхание.

Начинало холодать. Заложники стали сбиваться в кучу, чтобы хоть как-то согреться.

Андрей сидел молча. Только теперь до него начало доходить в какой ситуации он оказался, а мысль о том, что он может никогда не увидеть родителей, испугала его больше всего. Андрей открыл свою школьную сумку, порылся в ней и вытащил свою школьную тетрадь по биологии. Пролистав страницы, он нашел те, между которыми лежал фотоснимок, на котором был сфотографирован он вместе с родителями и сестрой. Несмотря на сумерки, он пытался внимательно рассмотреть его, как будто это был последний раз в его жизни. Волна безысходности и бессилия нахлынула на него, и Андрей заплакал.

Внезапно скрипнул засов, отворилась дверь, и в сарай вошел один из боевиков. Он принес кувшин с водой и несколько лепешек. Он поставил их на пол.

– Уважаемый, а нас отпустят? – неожиданно, с надеждой в голосе, обратился к нему один из заложников, молодой человек в спортивном костюме.

Боевик ничего не ответил, только угрюмо посмотрел на парня и вышел.

Есть Андрею абсолютно не хотелось. Он положил фотографию в тетрадь, засунул ее обратно в сумку, плотней укутался в свою куртку и уснул, решив положиться на судьбу.

Он неожиданно проснулся посреди ночи от какого-то внутреннего беспокойства и чувства тревоги. К тому же он замерз. На улице было темно. Ночь была тихая и холодная. Его собратья по несчастью, тоже спали, кто как. Кто зарывшись в сено, кто прижавшись друг к другу. Чувство опасности не покидало Андрея. Он встал и подошел к окну. Небо было затянуто тучами.

Неожиданно в воздухе появился и стал нарастать странный гул, переходящий в свист. Андрей остолбенел. Он уже слышал такое. Это был звук падающих снарядов.

Сомнений не оставалось, кто-то решил обстрелять кишлак и скоро от поселения не останется камня на камне.

Андрей даже не успел вскрикнуть, как раздались первые взрывы, и ночь озарилась вспышками. Заложники повыскакивали со своих мест и, с спросонок, пытались понять, что происходит? Антонина Ивановна тоже проснулась и испуганно озиралась.

– Антонина Ивановна, ложитесь на пол! – закричал Андрей и сам бросился на земляной пол за небольшую деревянную загородку, накрыв голову руками.

В этот момент одна из ракет попала в сарай, пробив крышу. Андрей услышал только страшный грохот, от которого заложило уши, потом, неведомая сила швырнула его к стене. Было ощущение, что мозг вывернули наизнанку. Перед глазами пошли круги. По лицу застру-

илось что-то теплое и липкое. Оно залило глаза и попадало в рот. Андрей почувствовал вкус крови. Чувство было таким, что как будто его ударил по голове кувалдой. Боль была нестерпимой. Неожиданно сознание Андрея начало угасать, и он провалился в темную бездну. «Вот и конец!» – промелькнула в его голове последняя мысль и исчезла вместе с последними жизненными силами.

***

Худошавая женщина в темно-синем пальто и покрывающим голову темном платке сидела напротив капитана милиции и смотрела на него опухшими от слез глазами. Было видно, что ее некогда привлекательное лицо теперь осунулось и помрачнело. Рядом в черной куртке, в черной меховой шапке, стоял мужчина. В его короткой темной бороде появились первые седые волоски. Он был спокойный, но мрачный, очень мрачный. Милиционер сразу понял, что за внешним спокойствием прячется горе, и если бы не люди вокруг, то этот крепкий с виду мужик, разревелся бы как маленький мальчик...

Капитану было не по себе. Еще одна семья еще одно горе, а сколько их еще будет от этой войны?

В помещении милицейского участка было холодно. Отопления давно не было. За металлической решеткой окна шел снег. Оконные рамы были без стекол. Вместо них были доски, фанера, металлические листы, в общем все, чем можно закрыть зияющие дыры в окнах.

На столе перед капитаном лежал автомат и папка с надписью «Дело». Розыскное дело. Несколько дней назад эта женщина Любовь Михайловна Покровская и ее муж Константин Сергеевич Покровский написали заявление о пропаже их несовершеннолетнего сына Андрея. Это было уже шестое заявление с их района только за эту неделю. На пошлой их было восемь, а сколько будет на будущей, неизвестно.

Естественно, сил на все не хватало, ведь тут еще и банды, и мародеры, и боевики... Но в этот раз случай был другой. Глубоко вздохнув капитан начал:

– Уважаемая Любовь Михайловна, – он предпочел говорить с матерью пропавшего мальчика, – по вашему делу мы получили ряд сведений.

Женщина подняла встревоженный взгляд на мужа. Тот только положил ей руку на плече.

– Дело в том, – капитан старался как можно тщательней подбирать слова, – что нам кое что удалось узнать о вашем сыне. Поступила информация, что, возможно он был захвачен в заложники и увезен одной из бандгрупп за пределы города...

Капитан прекратил поскольку женщина стала оседать и падать прямо со стула. Муж подхватил ее, а капитан схватив стакан и наполнив его водой из стоявшего на тумбочке чайника поднес падающей в обморок женщине.

Продолжить они смогли лишь через несколько минут, пока Светлану Борисовну приводили в чувства и отпаивали лекарством из ее сумочки.

– Скажу честно, – продолжил капитан, – мы не знаем куда его увезли. Мы только предполагаем район либо Гарма, либо Тавиль Дары. Как вы понимаете, сейчас ситуация сложная. У нас нет возможности проводить поиски там... Да и вообще, где-либо еще, – последнюю фразу капитан произнес скорее для себя.

– Что же нам делать? – неожиданно для капитана, сосредоточившегося на матери, произнес отец мальчика.

– Скажу честно, я не знаю. Если у вас есть возможность, попытайтесь обратиться к российским военным. У них же части по всей республике, и пограничники там, и разведка есть. Да и вообще, возможностей побольше чем у нас сейчас. Может что и получится.

Отец понимающе закачал головой.

– Я вообще-то не должен этого делать, но вот, – с этими словами капитан извлек из папки с надписью «Дело» листок бумаги и протянул его супругам Покровским. – Это данные по вашему делу: детали происшествия, подозреваемые, где проживают, предполагаемые места их появления. Дай Бог, может поможет.

Константин Сергеевич взял листок бумаги и поблагодарил милиционера.

БОЛЬНОЙ

Лагерь таджикских беженцев. Провинция Бадахшан, Афганистан 1993 год.

Зима близилась к концу, впереди оставалось каких-то двадцать дней. Андрей понемногу приходил в себя. Силы возвращались, а с ними приходило и душевное беспокойство. Мальчику было тяжело и тоскливо от того, что по какой-то роковой случайности он теперь находится за сотни километров от дома и неизвестно, когда сможет вернуться обратно. Но помня то, что сказал ему при первой встрече Файзали, он старался оставаться сильным.

Андрей уже мог передвигаться, хотя пользовался при этом длинной палкой, сделанной ему дядей Файзали. Тот оказался очень добрым и мудрым человеком. Несмотря на то, что он работал врачом в районной больнице, Файзали оказался очень эрудированный и знающей личностью. Мужчина практически каждый день занимался с Андреем языком, рассказывал про народные обычаи и правила поведения в таджикском и афганском обществе. Андрей даже уже начал привыкать к своему новому имени – Ануш.

С другой стороны, Андрей старался меньше общаться с беженцами. Он очень боялся выдать себя и снова попасть в беду.

Все это время, под неусыпным присмотром отца, за ним старательно ухаживала Мадина. Девочка была веселая, смышленная и разговорчивая, и она быстро нашла контакт с Андреем, которому было интересно смотреть, как она деловито, хозяйничает по «дому» (палатке), приносит дрова, воду, убирается, при этом, что-то напевая или разговаривая с Андреем, зачастую сама же отвечая на задаваемые ему вопросы.

Андрей познакомился и с тетей Зухро, женой Файзали. От этой женщины исходило непонятное материнское тепло и чувствував его, Андрей всегда забывал про свои страхи и печали. Зухро работала до войны учительницей и поэтому, когда она говорила проскальзывали поучительные нотки. Но Андрею, в его положении, это даже нравилось. Он снова ощущал себя в школе и как будто разговаривал с учителями.

Наступил момент, когда он окреп настолько, что смог впервые выйти из палатки. Его собственная одежда пришла в негодность, однако у Файзали нашлось кое-какая его собственная одежда, которая стараниями Зухро и Мадины, перешившими ее, теперь стала Андрея.

Андрею глубоко запал в память тот момент, когда он, опираясь на палку-костыль, впервые вышел на улицу из палатки. В лицо ему ударил холодный воздух, принесенный ветром. Земля вокруг, редкие деревья и горные вершины были покрыты снегом. Андрей огляделся. То, что он увидел, поразило его: несколько десятков палаток, хижин, построенных из глины и хвороста, раскинулись по небольшой долине у подножья горного хребта. На первый взгляд в лагере было около пяти сотен человек, которые теперь занимались тем, что пытались найти пропитание для себя и своих семей. Женщины, закрыв лица платками, готовили еду в казанах, кастрюлях или другой приспособленной посуде, прямо на улице. Воду таскали в кувшинах из родника на склоне горы. Как сразу было видно, положение людей, вынужденных покинуть свою родину и насиженные места, было весьма бедственным. Нехватка продуктов питания, лекарств и вообще вещей первой необходимости делали импровизированный лагерь беженцев очагом болезней и страданий.

Андрей, слышал от Файзали, что иногда сюда навевывались люди из иностранных гуманитарных организаций и привозили с собой продукты: муку, крупы, масло и т. д. Но это была капля в море. Иногда местные, афганские, полевые командиры привозили сюда кое-какие продукты, но за это местные жители (беженцы), в основном мужчины, должны были отрабатывать у них. Никто не знал, какую работу они делали. Иногда некоторые мужчины не возвращались, но даже те, кто возвращался, ничего не говорили.

Самым добротным зданием в лагере была мечеть. Это было одноэтажное глинобитное здание, выкрашенное и отбеленное в белый цвет. Местный священник, мулла, пять раз в день созывал всех на молитву. Практически все мужчины в лагере, повинуясь его призыву сходились и начинали коллективно молиться, читать намаз. Помимо молитвы, мулла вел среди своих прихожан проповеди. В них он рассказывал о долге каждого мусульманина перед Всевышним защищать свою родину и призывал мужчин вступать в отряды вооруженной оппозиции и возвращаться в Таджикистан для ведения джихада. Он обещал рай на небе и благополучие на земле тем, кто последует его призыву. Некоторые молодые люди, вдохновленные его призывами, вступали в ряды таджикской оппозиции и покидали лагерь беженцев. В ответ священник раз в месяц передавал их семьям либо небольшие суммы денег, либо незначительное количество продуктов. Но все равно этого для жизни тоже не хватало.

Файзали тоже регулярно ходил в мечеть. В первую очередь он не хотел выделяться среди остальных. Он молился со всеми, а также соблюдал все мусульманские обряды, но проповеди муллы пропускал мимо ушей. Он считал, что никакая религия не может натравливать брата на брата, а тем более ислам.

Андрея пока Файзали с собой не брал. Тот был слишком слаб. Но дома он уже начал готовить его к тому, что придется посещать мечеть и стал рассказывать ему как следует себя там вести.

Последнее время они старались разговаривать только на таджикском языке, что бы Андрей к нему привык и не вызвать подозрений у соседей, которые знали, что в палатке у Файзали находится его раненый племянник. Местные жители, афганцы, говорили на языке дари, одной из вариаций персидского языка (впрочем, каковым является и таджикский), но люди, говорившие на этих языках, отлично понимали друг друга. Файзали и сам неплохо владел дари и старался обучить ему Андрея. Он также рассказал Андрею, что в Афганистане, особенно в приграничных и южных районах очень распространен язык пушту, на нем говорят народы пуштунских племен. Файзали еще говорил Андрею о многочисленных узбекских, киргизских, туркменских народах и о загадочных хазарейцах и нуристанцах населяющих эту страну и говоривших на своих языках.

Сам Файзали занимался тем, что лечил беженцев и иногда к нему приходили жители соседних селений. За это они ему давали либо еду, либо одежду или что-то другое, редко деньги. По специальности Файзали был терапевт, но многолетняя практика работы в дальних районах и кишлаках заставила его освоить навыки хирурга, травматолога и еще ряд других. С собой из Таджикистана он привез некоторое количество разнообразных лекарств, однако их было явно недостаточно. Кое-какими медикаментами иногда снабжали медики из гуманитарных международных организаций, которые изредка приезжали в лагерь для проведения осмотра. И тогда в ход шла народная медицина. Сейчас у Файзали по палатке было развешены пучки сухих трав, веточек, в баночках хранилось немного меда. Откуда он их взял зимой оставалось загадкой. Он их просто приносил с прогулок по горам или с выездов в соседние кишлаки.

Лечить у него получалось, и слава о таджикском докторе быстро распространилась в округе.

– Ну как самочувствие? – однажды спросил Андрея Файзали на таджикском языке.

– Хорошо оказаться на воздухе, – ответил Андрей.

– Пройдись пока вокруг палатки, посиди на свежем воздухе, тебе сейчас это полезно.

Еще раз напоминая, постарайся пока поменьше общаться с соседями. И помни, тебя зовут Ануш. – похлопав Ануша (Андрея) по плечу сказал Файзали.

Ануш кивнул в ответ.

Из палатки выскользнула Мадина с большим медным кувшином в руках. Увидев Ануша она улыбнулась ему и повернувшись к отцу сказала:

– Пап, я за водой.

– Смотри только осторожней, – ответил ей Файзали.

Девочка еще раз улыбнулась Анушу и получив улыбку в ответ направилась в сторону родника. От Файзали не скрылся этот факт, и он строго посмотрел сначала на Ануша, потом на дочь.

Ануш старался дышать полной грудью. Чистый горный воздух попадал ему в легкие, и от этого у него немного кружилась голова.

– Дядя Файзали, а как вы меня привезли сюда? – спросил он.

– Тебя Мадина нашла в разбомбленном сарае. Там еще было много людей, но все они погибли. Мы погрузили тебя на повозку. Я как смог сделал так, чтоб тебя качка беспокоила как можно меньше. Уходил почти весь наш кишлак, да от него почти ничего и не осталось. Нурулло со своими боевиками говорил, что лучше уйти, что скоро там будет большая война, а в Афганистане можно будет переждать. Говорил, что тут много наших «братьев» и нам тут помогут. Через границу тебя перевезли нормально. «Братья» нам помогли переправиться. Вопросов никаких не возникло, тем более, что у меня были документы племянника. Тут я сменял свою повозку и двух ослов на палатку и кое-какую еду. Я взял с собой лекарства, они тожегодились и тебе, и так же их можно было обменять на что-нибудь.

– Спасибо вам, дядя Файзали, – ответил ему Ануш.

Файзали посмотрел на него и обнял одной рукой как сына.

– Ты знаешь, – продолжил он, – раньше в Душанбе, да и во всем Таджикистане, мы жили настолько дружно и все вместе, что никто никогда не знал, кто какой национальности. Это было не нужно. Русские, таджики, армяне, евреи, да еще Бог знает какие нации, жили бок о бок. Вместе мы и встречали праздники и делили горести. До тех пор, пока все не распалось. А потом стали даже смотреть из какого ты кишлака и если у тебя немного не тот говор, могли и убить. Куда все катится? – вздохнул Файзали.

Неожиданно весь лагерь пришел в оживление. Подростки и мужчины спешно направились к окраине лагеря, туда, где проходила дорога.

– Что случилось, дядя Файзали? – спросил с тревогой Ануш.

– Похоже, что едет командир Шер Мухаммад. Ты знаешь, все вокруг принадлежит ему. Он наверняка что-то привезет из продуктов и возьмет новых работников. – ответил Файзали.

Андрей уже знал, что время от времени из соседнего афганского кишлака приезжает несколько больших джипов. Это были люди местного полевого командира по имени Шер Мухаммад. Все вокруг принадлежало ему и без его ведома и воли даже листок не мог упасть с дерева. В машинах обычно приезжали около пятнадцати вооруженных афганцев из числа людей Шер Мухаммада. Иногда они привозили продукты вместо международных гуманитарных организаций. Во время своих приездов сам командир или его приближенные зачастую набирали мужчин из лагеря для каких-то работ и увозили в свой кишлак. Через несколько дней эти люди возвращались с небольшим количеством денег или продуктов. Большинство вернувшихся предпочитали не говорить о том чем занимались. Но иногда кто-нибудь из мужчин не возвращался в лагерь беженцев и тогда его семье приходилось особенно туго.

И на этот раз явно было видно, что командир Шер Мухаммад приехал за рабочей силой

– А чем у него люди занимаются, дядя Файзали? – задал вопрос Ануш.

Файзали посмотрел на мальчика, немного помолчал и произнес:

– Разным. В других обстоятельствах, наверное, никто не стал бы этим заниматься. Однако людям надо хоть как-то зарабатывать, чтобы кормить тут семьи.

Машины въезжали в лагерь. Люди со всех сторон бросились к ним, в надежде получить хоть что-нибудь из продуктов. Из машин вылезло несколько афганцев. Одеты они были в теплые куртки из-под которых виднелся конец длиннополой национальной рубахи и шаровары. Шеи были обмотаны платками с затейливыми узорами и кисточками на концах, а на голове

у каждого был одет пакуль, народная афганская круглая шапка из шерсти, такие еще называют «пуштунка». Все без исключения были вооружены автоматами.

Собравшиеся вокруг них люди стали что-то кричать или просить. Разобрать было невозможно, так как каждый отдельный голос, переплетаясь с соседним, и так далее, создавал ужасную какофонию и шум. Двое афганцев стали выгружать мешки с мукой и рисом. Вокруг них сразу собралась толпа. Еще один встал отдельно и к нему подошли несколько мужчин и подростков из числа беженцев и стали о чем-то разговаривать.

Растолкав беженцев автоматами, сквозь толпу прошли несколько приехавших и направились в сторону палатки Файзали.

– Ануш, зайди внутрь и скажи, чтобы Зухро и Мадина закрыли лица и сели куда-нибудь подальше. Да, и пусть приготовят место, где сесть гостям и чай, – заметив это произнес Файзали.

Ануш юркнул в палатку.

Трое афганцев подошли к Файзали.

– Здравствуйте уважаемые, – поприветствовал их Файзали, – Как ваше здоровье? Как дела?

– Спасибо, все, слава Аллаху, в порядке, – ответил крепкий афганец средних лет с небольшой проседью в черной бороде. Очевидно, он был главным.

– Заходите внутрь, – с этими словами Файзали приоткрыл полог палатки, впуская гостей вовнутрь.

В палатке уже были приготовлены скамейки с разложенными на них одеялами. Однако сел только поздоровавшийся афганец, остальные двое остались стоять. Рядом с ним присел и Файзали.

– Уважаемые, сейчас вам подадут чай, – произнес Файзали.

Зухро и Мадина, с закрытыми платками лицами уже хлопотали у чайника.

Афганец оглядел палатку и его пронзительный взгляд остановился сначала Мадине, а потом на несколько секунд задержался на Ануше.

– Это кто? – спокойно спросил он.

– Это мой племянник, Анушервон, уважаемый, – спокойно ответил Файзали.

– Твой племянник? Какой белый. Он что, шурави⁹?

– Нет, уважаемый.

– А почему он такой бледный, как рус¹⁰?

Несмотря на то, что волосы Андрея, были темными, а глаза зелеными, цвет кожи, строение лица и глаз никак нельзя было изменить.

– Нет, вы что, уважаемый, – начал успокаивать его Файзали, – Уважаемый, когда мы уходили из Таджикистана, он получил ранение и потерял много крови. Он только недавно стал выздоравливать, однако кровь еще не восстановилась и поэтому он кажется бледным, – ответил ему Файзали.

Афганец сурово посмотрел на Файзали, но, по-видимому, объяснение его удовлетворило.

– Хорошо, – произнес он, – я – Абдуззакир, начальник службы безопасности и главный помощник командира Шер Мухаммада. Я слышал, что ты доктор... Так ли это?

– Да, уважаемый, – кивнул Файзали, – до войны, у себя на родине, я был доктором.

– Хорошо, – кивнул Абдуззакир, – У уважаемого командира Шер Мухаммада заболел сын и жена. Ты можешь их вылечить?

– Я не знаю, уважаемый, для начала их нужно осмотреть...

---

⁹ «Шурави» – название появившиеся в обиходе афганского языка в период пребывания там ограниченного воинского контингента СССР с 1979—1989гг. Оно означает «русский» или вообще человек из бывшего СССР.

¹⁰ Русский.

– В таком случае собирайся, поедешь с нами, – приказным тоном сказал Захир.

В воздухе повисла пауза. Абдуззакир, не сводя глаз, смотрел на Файзали. На лице доктора явно читалось замешательство.

– Но, уважаемый Абдуззакир, а как же моя семья? – растерянным голосом произнес Файзали, – Ведь, если я правильно понимаю, отпустят меня только тогда, когда жена и сын уважаемого Шер Мухаммада поправятся. А еще неизвестно какова их болезнь и какое требуется лечение. Я иногда помогаю тут беженцам, лечу их, иногда приходят люди из соседних селений, и я тоже их лечу. Тем и живем я моя семья.

– А ты не глуп, доктор, – хохотнул Абдуззакир, – Но ты не беспокойся. Мы оставим твоей семье риса, гороха и муки. Этого им хватит. А если ты сможешь вылечить жену и сына уважаемого Шер Мухаммада, то тебе еще и заплатят.

– Уважаемый, а если болезнь будет сильнее меня? – поинтересовался Файзали.

Этот вопрос Абдуззакир оставил без ответа.

Файзали не стал настаивать. Он поднялся, подошел к одному из ящиков и достал небольшой чемоданчик и проверил содержимое. Внутри находились медицинский стетоскоп, тонометр, градусник какие-то еще инструменты и пакет с различными лекарствами.

Трое афганцев серьезными взглядами наблюдали за приготовлениями Файзали.

– У тебя есть родственники в Афганистане? – нарушил молчание Абдуззакир.

– Да, – ответил ему Файзали, – сын брата моей матери живет здесь.

– А кто он?

– Кори Карим.

– Кори Карим? Мулла из кишлака Дарахтисеб? – неожиданно оживился Абдуззакир.

Оба афганца, прибывшие с ним, переглянулись между собой и о чем-то зашептались.

– Не знаю, уважаемый. Я его давно не видел. Знаю, что живет он в Бадахшане, а его отца, моего дядю, звали Исмаил. Я пытаюсь его разыскать, но пока ничего не выходит. Я даже просил помочь людей из иностранных гуманитарных организаций, которые привозят сюда продовольствие. Но пока от них ответа тоже нет.

– Э, – скептически произнес Абдуззакир, – от них и ждать нечего. Они ничего не могут и не решают тут. Если все пройдет удачно, можешь попросить о помощи уважаемого командира Шер Мухаммада.

– Спасибо, уважаемый. Я готов, – Файзали стоял в теплом, но выдавшем виды пальто и вязаной шапке. В руках он держал чемоданчик с инструментами и лекарствами.

– Идем, – скомандовал Абдуззакир, – я прикажу, и сейчас твоей семье принесут продукты.

Файзали двинулся к выходу из палатки. Неожиданно к нему на шею с плачем кинулась Зухра и Мадина. Файзали начал их успокаивать. Наконец он отстранил их от себя. У самого входа он посмотрел на Андрея и сказал:

– Ну что ж, Ануш, теперь ты главный мужчина в доме. Не беспокойся, я скоро вернусь. Позаботься о Зухре и Мадине, сейчас я могу рассчитывать только на тебя. Помни все, что я тебе говорил.

– Хорошо, дядя Файзали, я обещаю, – произнес Ануш.

Андрей почувствовал, как на глаза навернулись слезы. Уже за столь короткий срок Андрей уже начал понимать, что значит мужчина на востоке и его особое значение тут, в Афганистане. Мужчина был голова всему, он все решал и с ним велись любые разговоры. Женщина, же в расчет, в общественном плане, практически не принималась и играла роль исключительно плана «принеси – подай».

Полог палатки закрылся за Файзали.

Работник

Дни тянулись за днями. Их прошло уже пять, с тех пор как уехал Файзали. Его семья очень тревожилась, ведь от него не поступало никаких известий. В лагерь еще раз приезжал Абдуззакир и Ануш попытался спросить его о Файзали. Но тот коротко ответил, что с доктором все в порядке, и он гостит у уважаемого командира Шер Мухаммада. Единственным положительным моментом стало то, что Абдуззакир, перед отъездом Файзали, оставил его семье пару килограммов риса, столько же муки, гороха и немного растительного масла. По местным меркам семья доктора стала просто богатой. Это был своего рода аванс за «вызов врача на дом». Этого количества продуктов должно было хватить на некоторое время, а при должной экономии на долго. С другой стороны, данный факт вызывал дикую зависть у соседей.

Ануш (Андрей уже начал привыкать к этому имени) чувствовал себя гораздо лучше. Он уже чаще бывал на улице и даже помогал Зухре и Мадине по хозяйству. С окружающими он общался мало, он практически все понимал, что ему говорят, но отвечать старался коротко избегая длинных фраз.

В то утро он вместе с Мадиной собирали хворост в небольшом лесу, произраставшем на горном склоне недалеко от лагеря беженцев. Они набрали уже большую вязанку и возвращались домой. Всю дорогу он весело болтали переходя то на русский, то на таджикский язык. Погода портилась, и они поспешили вернуться в лагерь беженцев. Уже на подходе к лагерю Ануш почувствовал неладное. Большая толпа людей собралась возле их палатки. Ануш с Мадиной ускорили шаг. Подойдя ближе они услышали громкое рыдание тети Зухра.

Зухра стояла окруженная толпой беженцев и громко причитала. Расталкивая людей локтями Ануш протиснулся сквозь нежелающих уступить дорогу людей к Зухре. За ним пробивалась Мадина. Бросив хворост на землю она подбежала к матери и стала трясти ее за плечи.

– Что случилось, мамочка? – вскрикнула Мадина.

Зухра даже не реагировала. Она продолжала сидеть на холодной земле и причитать. Прислушавшись к ее стенаниям Ануш разобрал только пару слов: «Пропало...», «что делать?..». Он подошел к Зухре, наклонился над ней и тихо спросил по-русски:

– Тетя Зухра, что произошло?

Зухра посмотрела на него залитыми слезами глазами, и указала рукой на палатку.

– Там ... – только произнесла она.

Ануш вошел вовнутрь. Ему сразу бросился в глаза большой прорез в противоположной брезентовой стене. Лужи от растаявшего снега и комки глины тянулись от прореза вдоль всей палатки в тот угол, где Зухра хранила продукты. Мешки с провизией отсутствовали, а вместо них на газете аккуратно лежала небольшая горсть гороха и муки. Ануш все понял. Воры взяли не все, они «совестливо» оставили провианта на один – два дня.

Ануш вышел из палатки с мрачным лицом. Он прекрасно понимал, что этих продуктов им может не хватить, а когда вернется Файзали (и вернется ли вообще), никто не знал. Все походило на то, что они втроем, итак, находясь в нелегком положении, обречены на голод.

– Как это случилось? – спросил Ануш у Зухры.

– Я только вышла на улицу, меня позвала соседка, – захлебываясь слезами, заговорила Зухра, – Мы стояли в десяти шагах от палатки и поговорили чуть-чуть, минут десять. Потом я убралась перед входом и пошла поставить чай. А когда вошла в палатку, то... – Зухра снова зарыдала.

Ануш поднял глаза на окружающую их толпу. Большинство изможденных и уставших лиц людей выражало жалость и сочувствие, но были и такие, которые тихо перешептывались и злобно хихикали. Большая часть людей прекрасно понимала, чем грозит потеря продуктов.

Вора искать было бесполезно. Никто не согласился бы впустить в свое жилище человека, чтобы тот рылся в вещах хозяина. А если бы и такое случилось, на каком основании можно было бы обвинить хозяина в воровстве продуктов? На них же имя не написано.

Из толпы вышел крепкий мужчина лет сорока. Он подошел с Зухре и протянул ей маленький сверток.

– Вот, апаи¹¹ Зухра, – проговорил он, – не плачьте, примите это. Конечно мало, но все чем могу помочь.

Дрожащими руками Зухра взяла сверток и развернула его. В свертке оказалась несколько горстей макарон.

– Спасибо, акаи Солах, – дрожащим голосом поблагодарила она его.

Затем к ней подошли еще несколько мужчин и женщин. Кто принес немного гороха, кто несколько вялых морковок, кто соль. Люди делились последним.

Вечером тетя Зухра сготовила суп в котором было несколько макарон и немного риса. Ануш и Мадина получили полные большие пиалы, а Зухра налила себе совсем чуть-чуть. Ануш заметил это и когда та отвернулась, чтобы налить чай он перелил немного из своей пиалы в ее. Зухра увидела это и снова расплакалась. Зухра утешала себя тем, что вот-вот, сегодня-завтра, вернется Файзали и все наладится.

Так прошло еще два дня в условиях жесткой экономии продуктов. Ели мало. Файзали так и не появился. Но ходили слухи, что завтра должны приехать люди Шер Мухаммада и снова нанимать людей на работу.

В ту ночь Ануш долго не мог уснуть. Его терзали тягостные мысли. В основном они были связаны с тем, что, уехав, Файзали доверил ему заботу о семье. И теперь на нем лежит долг найти выход из создавшейся ситуации. По его прикидкам продуктов им хватит еще на дня один-два, но это очень мало. Мысли роем пронеслись в голове у Ануша. Он чувствовал глубокую признательность и ответственность по отношению к тем людям, которые спасли его и теперь находились рядом. В голове сам собой родился план. Поняв, что выход найден у Ануша как будто упал камень с души, и он моментально уснул.

* * *

Небольшая колонна джипов и грузовичок въехала в лагерь. Вновь приехал Абдуззакир и как всегда толпа мужчин, из числа беженцев, обступила машины. Абдуззакир раздал несколько указаний и обратно сел в машину. Один из его помощников вынул блокнот и положил его на капот.

– Так, подходим по одному, – крикнул он в толпу, – работы много, всем хватит!

Однако толпа даже не думала превращаться в очередь, а наоборот стала еще бесформенней. Люди лезли, напирали друг на друга, стараясь оказаться, хотя на миллиметр ближе к нанимателю. Каждый старался громче выкрикнуть свое имя, но из-за большого количества кричащих людей, любое имя тонуло в общем шуме.

Ануш ждал приезда гостей с раннего утра. Еще накануне он услышал, как двое соседей-беженцев говорили о том, что должен приехать Абдуззакир. Удобно выбрав позицию и немного изловчившись, он оказался одним из самых первых кто оказался перед работодателем.

Наниматель афганец строго посмотрел на невысокого худощавого мальчика.

– Что тебе нужно? – спросил он.

– Мне нужна работа, – ответил Ануш.

---

¹¹ Апа – «сестра» (тадж.) – уважительное обращение к женщине равной по возрасту или младше по отношению к обращающемуся лицу.

– Маленький и слабый ты еще, – ответил афганец.

– Ну мне очень нужна, – начал упрашивать его Ануш, – дома кушать нечего...

– Я же говорю, слабый ты, – не шел на уступки афганец, – смотри, сколько сильных мужчин.

– Ну, пожалуйста, – уже чуть не плача от отчаяния просил Ануш.

– Ты не знаешь, что делать надо. Это трудно очень, – афганец оставался непреклонным.

– Я смогу, Богом клянусь, – выпалил заученное выражение Ануш.

Он понимал, что ему еще трудноато общаться, поэтому заранее подготовил несколько фраз, которые смогут пригодиться в разговоре.

Афганец улыбнулся. Позади напирала небольшая толпа желающих наняться на работу.

– Имя, – произнес афганец.

– Анушервон.

Афганец что-то быстро записал в своем блокноте.

– Проходи к машине, – произнес он.

Ануш прошел к кузову джипа. Там стояло еще двое афганцев. Они сунули в руки Анушу два пакета. В пакетах оказалась пачка макарон, маленький сверток с солью и чуть-чуть муки. Анушервон взял пакеты и помчался к своей палатке. Внутри оказалась только Мадина. Он вручил ей пакеты, схватил свою куртку, и со словами «Скоро вернусь», вновь побежал к машинам. Мадина проводила его долгим непонимающим взглядом.

Ануш влез в открытый кузов грузовика. Там уже находилось человек шесть. И люди, которые также передавали пакеты с продуктами своим близким, все еще подходили.

Перед отправкой один из нанимателей провел переключку и убедившись, что все на месте дал отмашку колонне из трех автомобилей двигаться. В машине их было двадцать человек.

Колонна двигалась по грунтовой дороге в гористой местности. То тут, то там из скал торчали кривые стволы деревьев. Вдоль дороги текла небольшая горная речушка. Сейчас ее ширина была не больше ручья, но через несколько недель таявшие в горах снега увеличат ее в несколько раз и превратят бушующую стихию, своей силой способную передвигать камни.

Вдоль дороги иногда в глаза бросилась проржавевшая и помятая гряда металла, в которой без труда узнавался бронетранспортер, грузовик или танк – память о времени пребывания в Афганистане советских солдат.

Неожиданно стал дуть холодный ветер и начал накрапывать дождь. Сидящие в открытом кузове грузовика люди стали жаться ближе друг к другу и поплотнее кутаться в верхнюю одежду. Ануша одолевали грустные мысли, и с каждой минутой ему становилось все тревожнее. Легкое похлопывание по плечу вывело его из состояния задумчивости.

– В первый раз едешь? – обратился к нему мужчина лет тридцати в застиранной кофте, сидящий напротив.

Ануш кивнул. Страх перед возможностью выдать в себе человека не таджикской национальности, и тем самым обнаружить себя, заставлял быть немногословным с посторонними людьми.

– Меня зовут Шамс, а ты чей? – спросил человек.

– Я – Ануш, племянник Файзали, – коротко ответил Андрей.

– А, дядю Файзали, знаю конечно, доктор он. Его же, по – моему увезли – не унимался Шамс, помолчав, он добавил, – Но ты не волнуйся, работа не пыльная, всего-то пару мешков туда отнести и обратно вернуться. Главное, чтоб не подстрелили – «успокаивал» его «сосед».

– Кто? – насторожился Ануш.

– Пограничники или вот эти вот... – Шамс кивнул в сторону кабины джипа, – Главное, если что, все бросай, быстрее беги и прячься где можно.

Ануша такая перспектива явно не порадовала. Видно, что-то увидев в его лице, Шамс ободряюще похлопал его по плечу и сказал:

– Не бойся, все будет хорошо. Рядом со мной держись. Много вопросов не задавай и вообще старайся не разговаривать. Чем меньше обратишь на себя внимание, тем лучше. И еще не пытайся бежать... Да и куда тебе бежать то? – хмыкнул Шамс.

И без того мрачное настроение Ануша ухудшилось еще больше. Его стали терзать мысли сомнения в правильности своего решения и в успехе задуманного предприятия. Но делать было нечего, шаг был сделан и нужно было идти до конца. Шамс улыбнулся и дружески похлопал его по плечу. Через некоторое время колонна машин въехала в кишлак.

Одно-двухэтажные глинобитные хижинки были плотно втиснуты между двумя холмами и практически нависали друг над другом, создавая подобие террас. Две узкие кривые улочки, где едва могла проехать одна машина, пересекали все селение. На одном из близлежащих холмов было видно пасущееся стадо баранов. Жителей практически не было видно, пару раз залаяли собаки, да из-за одной из дверей одного из домов на секунду высунулось чумазое детское личико, но тут же скрылось в глубине дома.

Машины медленно двигались вверх по одной из улочек. Вскоре они остановились у одного из домов, обнесенных глинобитной стеной – дувалом. Поступила команда выгружаться, и все работники дружно попрыгали с грузовика. Их всех ввели во двор дома и построили внутри.

Двор был большой. По периметру находилось длинное одноэтажное строение из глины с деревянными двумя дверями и окнами. Рядом с одной из дверей тарахтел бензиновый генератор, питая лампочку внутри помещения. В одном из углов двора стояла большая глиняная печь. Никого из жителей дома видно не было.

Далее высокий худой афганец, один из людей Абдуззакира, провел перекличку по списку. В строю оказалось четырнадцать человек. Закончив сверку списков, афганец обратился беженцам:

– Слушайте меня. Есть ли среди вас новые люди, кто ни разу еще нам не помогал?

В строю поднялось несколько рук. Ануш тоже поднял свою.

– Хорошо, – продолжил афганец, – те, кто уже тут не первый раз, объясните все новеньким. Все как обычно. Выдвигаемся сегодня ночью. Груз будет у каждого. Оплата, тоже обычная, по прибытию. Теперь, отдыхайте. За ворота выходить строго запрещено.

С этими словами худой афганец повернулся и исчез в дверях помещения, рядом с которым работал генератор. Еще двое вооруженных афганцев направились вслед за ним, а один, с автоматом Калашникова, уселся перед железными воротами.

Работники направились во второе помещение. Ануш последовал за всеми.

Он оказался в комнате шириной около двух и длиной около семи метров. В помещении было чисто, но холодно. На полу по периметру лежали шерстяные одеяла. На потолке одиноко тусклым светом светила лампочка.

Люди стали рассаживаться вдоль стен на одеяла. Они немного расслабились и стали разговаривать друг с другом.

Ануш подсел к Шамсу и спросил:

– Акай Шамс, а что нужно делать то?

– Да ничего особенного, – оживился Шамс, – Сегодня ночью мы пойдем к речке. Там тебе дадут мешок. Ты должен будешь отнести его на ту сторону, в Таджикистан, потом тебе скажут где его оставить, и затем со всеми вместе вернешься обратно.

Ануш не поверил своим ушам:

– Мы, что возвращаемся в Таджикистан...

– Ну да, – буднично сказал Шамс, – туда и обратно. Главное не бежать и не потеряться. Потому что в первом случае тебя пристрелят эти, – он кивнул головой на афганца у ворот, – а во втором, что ты будешь делать один в приграничной полосе? Домой пойдешь? – хохотнул Шамс.

Ануш призадумался. Шамс говорил верно. Бежать, не зная дороги, не имея припасов, тем более вокруг полно людей с оружием, смысла не имело. Хотя и очень хотелось домой! А вот в лагере остались тетя Зухра и Мадина, которым нужна помощь. Тем более, что он сам решил на этот шаг и отступить было поздно. Придется поработать носильщиком.

***

Заходя в кабинет полковника Михальченко, Константин Сергеевич и Любовь Михайловна столкнулись в дверях с молодым человеком в камуфляжной форме. Вид у него был усталый, однако лицо гладко выбрито, но под глазами с ярко красными прожилками темнели круги от регулярного недосыпа.

Супруги Покровские узнали его, кажется его звали Евгений, но вот фамилии не помнили, как-то на «М». В прошлый раз, когда они приходили к полковнику Михальченко, он вызывал его и показывал фотографию их пропавшего сына Андрея.

Константин Сергеевич и Любовь Михайловна поздоровались с ним. Евгений посмотрел на них уставшими глазами и буркнув ответные приветствия быстро удалился. Покровским показалось, что Евгений их не узнал.

Высокий, крепкий Михальченко встретил Покровских в кабинете, сидя за столом и разбирая какие-то бумаги. Над ним на стене висел красный флаг с серпом и молотом и небольшой портрет с которого на посетителей лукаво прищурившись смотрел железный Феликс Дзержинский.

На самого полковника Покровским удалось выйти через одного из знакомых, который служил в контингенте российских войск в Таджикистане. Они последовали совету милиционера и стали искать возможности поговорить с кем-то из российских военных, кто-бы смог им помочь. А их знакомый оказался водителем в штабе, один из друзей которого возил самого полковника Михальченко. Так они в первый раз оказались на приеме у офицера российских войск. Единственным загадочным моментом для Покровских являлась должность полковника, о которой никто упорно не хотел говорить.

– Константин Сергеевич, Любовь Михайловна, проходите, присаживайтесь, – громыхнул басом Михальченко, указав на стулья рядом со своим столом.

Поздоровавшись супруги прошли и присели на стул. Они очень волновались, ведь с того момента, как они впервые обратились к Михальченко прошло несколько длинных, как сама вечность, недель. Они уже отчаялись получить известия, но тут раздался телефонный звонок. Полковник пригласил их на беседу

– Ну, во-первых, здравствуйте, – в голосе Михальченко просквозило волнением. Он сложил руки перед собой на столе и набрал в грудь воздуха. – Я не буду ходить вокруг да около, скажу сразу. Мы взяли в разработку... эээ... мы проверили ту информацию, которую вы нам дали.

Покровские напряглись.

– Мы смогли узнать, куда был угнан тот автобус, где находился ваш сын. Это небольшой кишлак в горах... – полковник увидел, как в глазах безутешных родителей расцветает надежда и от этого ему приходилось еще хуже. – Однако, некоторое время назад кишлак подвергся сильному ракетно-минометному обстрелу со стороны пока неустановленной группировки и очень пострадал. И, по нашим сведениям, – вот тут Михальченко нужно было набраться храбрости, – заложники погибли...

Сначала наступила гробовая тишина, но через несколько секунд ее прервал вопль исходивший из разбитого сердца матери. Отец плакал тихо, просто закрыв глаза руками...

Носильщик

Шер Мухаммаду было немногим больше пятидесяти лет. Несмотря на свой возраст он был достаточно крепким мужчиной. Его физическая крепость была под стать внутреннему стержню. Он прошел долгий путь от простого пастуха до моджахеда времен Джихада (период войны в Афганистане с 1979 по 1989 года) и, наконец, стал серьезным полевым командиром, под контролем которого находилась достаточно большая приграничная территория с соседним Таджикистаном. У него в распоряжении имелось более двухста боевиков, он занимался практически всем, от контрабанды продуктов и бензина до торговли наркотиками. С имеющейся властью и другими полевыми командирами у него были хорошие «партнерские» отношения, так что за себя и свой бизнес он был спокоен.

Правда вот жена и сын приболели, так это ничего, его правая рука Абдуззакир привез доктора из лагеря беженцев и вроде дела пошли на поправку. Кстати, Шер Мухаммад был очень доволен собой, что придумал как можно использовать этих беженцев, чтобы они приносили ему доход. Теперь за предоставляемые им крохи продуктов или еще реже денег, они зарабатывают для него сотни тысяч долларов. И теперь готовится еще одна очень крупная операция.

Сейчас в его большом доме проходил последний совет перед большим делом. Сидя в роскошном деревянном кресле Шер Мухаммад выслушивал последний отчет от Абдуззакира:

– Все носильщики прибыли. Их четырнадцать...

– Не много ли? – осведомился Шер Мухаммад.

– Не думаю, мой господин, – ответил Абдуззакир, – Помните в прошлый раз мы сильно нагрузили наших носильщиков, и во время перехода некоторые из них настолько устали, что еле дошли до места. Это чуть не поставило под угрозу все дело. В этот раз я взял немного больше людей и распределяю им поменьше груза, так у них больше будет сил. Ведь задание то важное...

Действительно, недавно к Шер Мухаммаду обратился его старый «партнер по бизнесу» из соседнего Таджикистана с предложением купить у афганцев большую партию наркотиков высшего качества. Причем предприятие перерастало в целый канал поставки героина через границу. Операцию готовили долго. Проверяли пути переправы и маршруты, подключали всех своих людей в правоохранительных и властных структурах по обе стороны границы (благо в Таджикистане сейчас шла война и в границе было полно «дырок». Можно было половить рыбку в мутной воде). Вот тогда-то и появился план использования беженцев. Проблемой оставались лишь российские пограничники, оставшиеся верными долгу и охранявшие границу. Но и у них не все было слава Аллаху. Поэтому лазейки находились.

Сегодня ночью очередная большая партия груза должна была уйти на ту сторону.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул Шер Мухаммад, – Согласен с тобой. Лишняя лепешка для носильщика – трата не большая, а вот если с ним случится что, так тут могут возникнуть проблемы. Что с переходом?

– Господин, с людьми с той и этой стороны все договорено. Вечером группа прикрытия выдвинется на ту сторону, проведет разведку и будет обеспечивать безопасность. Как только они дадут сигнал, пойдут наши «ослы», – так Абдуззакир называл носильщиков. – С нашей стороны их тоже будут прикрывать два пулемета. Еще там будет группа охранения. Они перенесут груз в условленное место и спрячут его там. Обратное по тому же плану. С группами будут два лучших проводника. На всякий случай, два. Так что никто не заблудится.

– А что русские пограничники?

– Мы следим за ними и с этой и с той стороны. По нашим данным, на участке перехода все будет тихо. А если что, то наше охранение достаточно сильное и сможет им противостоять, господин.

Шер Мухаммад остался доволен.

– Где Саид Гул? – спросил он.

– Ожидает за дверью, господин.

– Позови его.

Абдуззакир поклонился и вышел из комнаты.

Через мгновение он вернулся вместе с человеком невысокого роста, лысым, жидкой бородкой и маленькими бегающими глазками. Одет он был, как и все присутствующие, в национальную афганскую одежду: длиннополую рубаху и широкие штаны.

Несмотря на свой жуликоватый вид, Саид Гул в окружении Шер Мухаммада отвечал за переговоры и сделки с «партнерами», непосредственно находившимися на таджикской стороне. Он хорошо знал приграничные криминальные структуры и умело с ними ладил.

Саид Гул поприветствовал Шер Мухаммада.

– У тебя все готово? – поинтересовался Шер Мухаммад.

– Да господин, – кивнул Саид Гул, – как только мы переправимся, в условленном месте нас будет ждать машина. Я поеду к «старика» и заберу деньги. Мы спрячем товар, встретимся на прежнем месте и вернемся.

Все было правильно. С этим «стариком» из приграничного таджикского кишлака они провернули уже несколько сделок и поэтому были все основания не опасаться какой-либо хитрости с его стороны. А если бы что-то и случилось или «старик» обманул его, Шер Мухаммад переправил бы на ту сторону границы пару десятков своих боевиков, и они бы сровняли весь кишлак с землей, а с самого «старика» и его семьи содрали бы кожу. Командир знал и о том, что «старик» также это понимает, поэтому никакого подвоха с его стороны не ожидал.

– Хорошо, начинайте дело... – отдал он распоряжение Саид Гулу.

***

Ночь была холодной. Ануш плотнее натянул вязаную шапку на уши. Вся группа носильщиков стояла в небольшом узком ущелье, находящимся между двумя скалами.

Прошлым вечером, когда они еще находились в доме в кишлаке, женщина с ног до головы закутанная в паранджу принесла им кипяток и несколько холодных лепешек. Тем и поужинали. Затем все четырнадцать человек улеглись спать. Ануш не мог долго заснуть. В нем постоянно нарастало волнение.

И вот, когда началось смеркаться, к ним в комнату вошел худой афганец и разбудил всех на вечернюю молитву. Ануш жутко перепугался, ведь он ни разу не читал намаз (молитву у мусульман). Хотя дядя Файзали несколько раз ему рассказывал, как это делается, Андрей ни разу не делал это сам. Мальчик жутко разволновался. Но поняв, что выхода нет, он просто пошел вслед за остальными, и старался повторять именно то, что делают другие.

После молитвы их снова посадили в грузовик и куда-то повезли. Носильщиков высадили неизвестном месте и они, под охраной людей Шер Мухаммада стояли на холоде и ждали. Охранники постоянно переговаривались с кем-то по радию.

Через несколько минут ожидания вдали показался свет фар и послышался гул мотора. По горной грунтовой дороге к ним быстро приближались несколько автомобилей. Вскоре рядом с ожидавшими носильщиками остановился грузовик и несколько джипов. Из джипов вышло около двух десятков вооруженных до зубов афганцев. К двоим из них подбежал высокий худой охранник, который был с ними в доме, и стал приветствовать и кланяться прибывшим гостям. Это были сам Абдуззакир и Саид Гул.

Носильщиков построили, и начальник службы безопасности Шер Мухаммада лично их осмотрел. Проходя мимо Ануша, он в освещаемом только светом фар пространстве не узнал

его, только поинтересовался, не слишком ли этот «осел» мал? На что худой охранник заверил, что мальчик вынослив. На этом все внимание к Анушу прекратилось.

После этого всем носильщикам приказали подойти к грузовику. На каждого носильщика был водружен тяжелый мешок, а на шею повешен маленький фонарик, который светил вниз под ноги. Затем всех построили в колонну. Худой афганец дал последние указания: все должны идти друг за другом, смотреть себе под ноги и на впереди идущего, выполнять все указания, не останавливаться. Впереди «каравана» выстроились несколько вооруженных афганцев с фонарями, еще несколько человек распределились справа и слева от носильщиков. Трое вооруженных человек замыкали колонну.

Абдузакир попрощался с Саид Гулем:

– Удачи, дорогой, – напутствовал он его, – мои люди уже на той стороне. На берегу ждите сигнала. Не беспокойся все под контролем.

Саид Гул кивнул в ответ и занял место среди вооруженных людей идущих в авангарде. По сигналу колонна выдвинулась и ушла вдоль по ущелью в ночь.

Как только «караван» исчез из вида, Абдузакир жестом подозвал к себе худого охранника:

– Джамил, у тебя все готово?

– Да, господин, – поклонился тот.

– Смотри, головой ответишь.

Джамил поклонился без слов и исчез в темноте.

Ануш шел одним из первых сразу за Шамсом. Фонарь, висевший на шее, освещал только небольшое пространство вокруг его ног. Это позволяло избежать неровностей на грунтовой дороге и не споткнуться или не упасть. Впереди, в паре метров, был виден свет фонаря у впереди идущего, что также позволяло ориентироваться по пути следования. Также ориентирами служили вооруженные люди из группы сопровождения.

Шли молча. Дорога то поднималась вверх, то спускалась вниз. Мешок давил на плечи своей тяжестью, но Ануш держался.

Через некоторое время перехода воздух неожиданно все больше стал наполняться свежестью, а вскоре послышался слабый шум воды. Ануш предположил, что они приближаются к реке. Это был Пяндж, а значит граница.

Один из афганцев в авангарде, явно начальник, приказал выключить фонари и остановиться. Все повиновались. Ночь была лунная, а небо чистым, поэтому Ануш смог разглядеть силуэты впереди идущих людей и окружающего пейзажа.

Вся группа находилась в нескольких десятках метров от берега небольшой речушки. Точнее река то была большая, но сейчас в предвесенний период, когда снег на горах не таял, она еще не вошла в полную силу. Анушу это напомнило ту речку мимо которой они проезжали по дороге в кишлак. На том берегу черным пятном возвышались очертания гор.

– Уточни, все ли в порядке? – обратился Саид Гул к одному из сопровождающих афганцев.

Тот поднял небольшую радиостанцию и три раза нажал на кнопку вызова, через пару секунд он повторил это еще раз. Через мгновение в радиии послышались два коротких шумовых сигнала, которые были продублированы еще через пару секунд.

– Да, все в порядке, – кивнул охранник, – можно начинать.

Саид Гул махнул рукой, и тотчас же два человека, вооруженных пулеметам и с приборами ночного видения на лице бросились занимать позиции на близлежащих высотах. Еще один афганец со снайперской винтовкой исчез в темноте.

Двое с автоматами из бокового охранения бесшумно спустились к берегу и там растворились среди камней.

– Слушайте, – полушёпотом обратился начальник охраны к носильщикам, – по команде тихо спускаетесь к реке. Сейчас не сезон, мелко. На той стороне вас встретят. Ориентир на том берегу: дерево, – он указал рукой на противоположный берег, где на фоне скалы был виден силуэт большого дерева. – Идите на него. Понятно?

Все молча кивнули.

Группа стала спускаться вниз к реке. В лунном свете хорошо были видны темные фигуры, приближающиеся к берегу. Снова остановились. Вперед пошел один из охранников.

Ширина реки составляла пару десятков метров, а воды в ней было мало. То тут, то там виднелись песчаные островки, которых огибало течение приграничных вод.

Как только охранник достиг противоположного берега и просигналил двумя короткими шипящими сигналами по рации, на таджикской стороне реки засветился маленький огонек от фонарика, ставший своеобразным маячком для всего каравана.

Пошел первый из носильщиков. Как только он отошел на несколько метров, за ним пошел второй, и так до конца. Через каждые пару человек переправлялся один из охранников.

Ануш был одним из первых. Он вступил в русло реки и сразу попал в небыстрое водное течение. Вода была холодной. В некоторых местах она доходила до уровня чуть ниже колен, а в других вообще было по щиколотку. Не промочить ноги помогли полиэтиленовые пакеты, обмотанные вокруг ног. С Анушем ими поделился Шамс, еще в кишлаке, когда узнал, что мальчик впервые занимается переноской «вещей». Практически у всех «опытных» носильщиков пакеты были с собой именно на случай перехода реки. К счастью у Шамса их было несколько, так, на всякий случай, и он любезно поделился ими с Анушем.

Вскоре через реку переправились все. На берегу прошла небольшая перекличка, затем снова построение в цепочку и движение вверх по узкой тропе. Перед движением носильщики вновь включили маленькие фонарики у себя на шее. Большая часть охранников пошла вместе с носильщиками, другая часть осталась на берегу реки.

Сразу было видно, что ведущие группу проводники хорошо ориентируются в данной местности. Они вели всю группу можно сказать «с закрытыми глазами». Ночь была тиха и холодна. Караван шел в полном молчании. Снова шли долго и почти все время в гору. Ануш шел из последних сил. Тяжелый мешок давил на плечи. Наконец был объявлен долгожданный привал. Носильщики с облегчением опустили на землю.

Неожиданно в радиостанции Саид Гула послышалось три коротких шипящих щелчка. Саид Гул вскочил и стал пристально вглядываться в темноту. Охранники как по команде заняли позиции с оружием на изготовку.

Рация Саид Гула снова ожила и голос на таджикском языке произнес: «Мы на месте».

– Хорошо, я пришлю проводника, – ответил Саид Гул.

Он кивнул одному из своих людей и тот скрылся в темноте. Через несколько минут он появился в сопровождении еще одного человека. Тот был в теплой кожаной куртке и с меховой шапкой на голове. Человек и Саид Гул горячо поприветствовали друг друга. Гость окинул взглядом сидевших на земле людей и мешки.

– Тут все? – спросил он.

– Конечно, уважаемый, – ответил Саид Гул, – Все как договаривались.

– Хорошо. У нас тоже все готово. Возьми образец, и поедем, машина ждет, – быстро сказал гость. Было явно видно, что он явно спешит.

– Хорошо. Я возьму один мешок. Остальные будут двигаться дальше по маршруту и спрячут груз в условленном месте, как договаривались, – кивнул Саид Гул.

С этими словами он махнул рукой и к нему подбежал один охранник с автоматом.

– Возьми одного «осла» с грузом и пошли со мной, – скомандовал Саид Гул.

Саид Гул был опытным контрабандистом и поэтому не доверял никому, даже самым проверенным партнерам. Он решил взять с собой кроме охранника и одного из носильщиков,

чтобы в случае чего груз не мешал им защищаться или бежать, а у охранника были бы свободны руки.

Охранник ткнул пальцем в первого попавшегося носильщика и приказал встать. Носильщиком оказался высокий крепкий парень. Он схватил мешок и ловко забросил себе за спину.

– погоди, – одернул Саид Гула гость, – с тобой поедет и охранник?

– Конечно, – с удивлением ответил Саид Гул.

– Но в машине мало места. Этот носильщик с грузом туда не поместится, – возразил гость.

Саид Гул секунду подумал, потом жестом заставил носильщика опуститься. Затем последовала команда всем носильщикам встать и построиться. Саид Гул окинул взглядом строй и сразу же заметил невысокую, худощавую фигуру мальчика. Это был Ануш.

– Ты, – ткнул он пальцем в Андрея, – пойдешь с нами. Бери мешок.

Поначалу Ануш растерялся, но потом послушно взвалил на плечи мешок пошел вслед за Саид Гулем и гостем. Шли несколько минут, даже не пользуясь фонарями. Хватало света луны. Немного пропетляв, группа выла к грунтовой дороге, которая больше походила на тропу. Тут в кустах обнаружился узик, обтянутый брезентом.

Водитель включил фары и внутреннее освещение кабины. В машине, помимо водителя, сидел еще один хмурый таджик, который старательно прятал под курткой короткоствольный автомат.

Мешок и Ануша «закинули» за заднее сидение машины, в так называемый «собачник». Саид Гул и охранник, потеснив угрюмого таджика, разместились на заднем сидении. Гость уселся впереди.

– Поехали к старику, – отдал он распоряжение водителю.

Машина заурчала и поехала по грунтовой горной дороге, преодолевая кочки и ухабы. Трясло жутко. Водитель явно не жалел ни машины, ни пассажиров. От такой тряски Ануша едва не укачало по дороге и чуть не стошнило. Ехали еще с полчаса, постоянно меняя скорость и направление движения.

Ануш ничего не мог разглядеть в окне, как ни пытался вытянуть шею. Но вот машина снова остановилась. Послышался лязг открывающихся металлических ворот, недолгие переговоры водителя с кем-то, и потом машина вновь тронулась и замерла окончательно. Прибыли. Пассажиры вышли и помогли выгрузить мешок и мальчика.

Машина стояла посреди небольшого двора у двухэтажного частного дома, освещенного несколькими лампочками, которые питал тут же тарахтевший бензиновый генератор.

Из дома вышел сухопарый седой бородатый мужчина лет шестидесяти. Увидев Саид Гула, он заулыбался и сразу же направился к нему.

– О, дорогой, здравствуй, – поприветствовал его старик, – Как твои дела? Как здоровье? Как дома у тебя, дорогой? Как добрался?

– Все слава Аллаху, уважаемый, – ответил Саид Гул, – У вас как? Все ли в порядке?

– Слава Богу, тоже. – сказал старик и обнял Саид Гула.

– Проходи, выпьем чаю, – пригласил старик.

– Некогда уважаемый. Надо возвращаться. Я привез часть груза, – указал на мешок Саид Гул.

Старик бросил взгляд на мешок и сказал:

– Хорошо, у меня тоже все готово. Пройдем в дом.

Саид Гул и старик вошли в дом, оставив охранника и Ануша на попечение водителя и хмурого таджика. Гость, привезший их сюда, ловко схватил мешок и утащил в дом.

В светлой комнате на полу были расставлены чайник, пиалушки и немного печеных национальных сладостей. Вокруг лежали толстые прямоугольные одеяла, курпачи, предназначен-

ные для сидения. Саид Гул и старик прошли в комнату и уселись поверх одеял. Старик начал разливать по пиалам ароматный чай.

– Так как добрался, уважаемый? – поинтересовался старик.

– Слава Аллаху, все прошло без приключений.

– Слава Аллаху. Хотя мы и следили за маршрутом и переходом, и вроде мы договорились, что сегодня в том районе будет тихо, я все равно волновался, – с этими словами старик подал гостю пиалу с чаем.

– Мы предприняли большие меры предосторожности, – ответил Саид Гул. – Несмотря ни на что. Мы верим тебе, но у шайтана могут быть свои происки.

– Аллах велик, он направил вас сюда целыми.

Саид Гул отхлебнул чай и сказал:

– Я привез часть груза с собой. Остальное спрячем там, где договорились. Заберешь потом сам.

– Хорошо. Я приготовил часть денег, о которой говорил.

Старик кликнул и в дверях появился Гость с небольшой спортивной сумкой в руках. Старик посмотрел на него вопросительно. Гость утвердительно кивнул. Саид Гул понял, что они проверяли качество привезенного ими наркотика. Зная, что товар, как всегда, высшей пробы, Саид Гул усмехнулся про себя.

Старик поставил перед контрабандистом принесенную сумку и открыл. Сумка была полностью набита пачками американских долларов. Саид Гул взял несколько пачек и «пролистал». Он был доволен.

– Спасибо уважаемый, но мне пора, – обратился он к старику.

Старик встал, чтобы проводить гостя.

Их не было около получаса, но уже за это время Ануш успел замерзнуть. Наконец из дома появились Саид Гул и старик. Они направились к машине. Возле машины оба простились.

– А, Саид Гул, – неожиданно сказал старик, – совсем забыл. У тебя же сын родился недавно.

С этими словами старик вынул из кармана небольшую коробочку, оббитую красным бархатом.

– Вот, прими небольшой подарок, – старик медленно открыл коробочку, – его сделали на мой заказ местные умельцы специально для тебя.

Внутри бархатной коробочки оказался золотой перстень с выгравированным на нем словом «Аллах», выполненным арабской вязью и небольшим рубиновым камушком посередине. По кругу кольца были видны выгравированные религиозные надписи на арабском языке.

Ануш увидел, как у Саид Гула отвисла челюсть, и загорелись глаза. Афганец горячо обнял старика и осыпал его витиеватыми восточными формулами благодарности.

Через пару минут прощаний и заверений в вечной дружбе Ануш, Саид Гул, охранник-афганец и Гость сели в машину и уехали.

Всю дорогу Саид Гул рассматривал подаренный перстень и цокал языком. Это скорее походило на пассивное хвастовство. Охранник с завистью косился на подарок. Гость тихо ухмылялся, старик, его хозяин, умело пользовался спецификой восточной дипломатии и знал, как расположить к себе людей. Теперь этот хитрый афганец будет всячески поддерживать кандидатуру старика перед своим командиром, будет его глазами и ушами, а также защищать его интересы в случае появления конкурентов.

Внезапно впереди, в десяти метрах перед машиной, на темной грунтовой дороге свет фар выцепил из темноты четыре фигуры и машина резко затормозила. Перед машиной стояли четыре вооруженных человека в камуфляжной форме.

– Что случилось? – встревожено спросил Саид Гул.

– Я не знаю, – тоже с тревогой ответил Гость. – Похоже на пограничников...

– Каких пограничников? – растерялся Саид Гул и крепко сжал сумку с деньгами. Гость рассеяно пожал плечами.

– Но их же не должно быть! – вскрикнул Саид Гул.

– Не должно, – согласился Гость.

В кабине послышался лязг затвора. Охранник приготовился к обороне. Сид Гул тоже извлек пистолет и взвел затвор.

– Подождите, – предостерег их Гость, – сейчас выясним.

В это время от группы «пограничников» отделилась одна фигура и направилась к машине.

– Спрячьте оружие, пацан, пригнись за сидения, – быстро скомандовал гость.

Охранник спрятал автомат под курткой, его же примеру последовал Саид Гул. Ануш нырнул за задние сидения.

Человек в камуфляжной форме приблизился к машине. Гость отрыл дверь и вышел.

– Старший пограничного наряда прапорщик Ахмедов, – представился на таджикском языке человек, приложив ладонь к фуражке.

– Что случилось, уважаемый? – спросил Гость, выйдя к нему.

– Предъявите ваши документы, – потребовал пограничник.

– А что происходит? – не унимался Гость, но порывшись за пазухой, вытащил мятый паспорт советского образца, – Я местный житель, у меня отец заболел, вот, взял соседа и братьев, едем к нему.

Пограничник, молча, изучал документы.

– А Вы с какой заставы? – продолжал расспросы Гость, – я тут всех начальников пограничных знаю. И они меня знают. Позвони, скажи им, что это я...

Пограничник поднял взгляд на Гостя. Он подошел к машине и заглянул внутрь. В салоне горел свет, и пограничник внимательно посмотрел на водителя и пассажиров. Он обратил внимание на Саид Гула и лежащую рядом с ним сумку.

– Так говоришь, местный? – обратился пограничник к Гостю.

– Да, уважаемый. Мы вон там, в кишлаке живем, – махнул рукой гость, – Приехал сосед, говорит, отец заболел, взял братьев и едем теперь ночью к нему.

– Ясно, – кивнул пограничник, – А по дороге ничего не видели подозрительного?

– Нет, уважаемый. А что?

– Да мы тут нарушителей ловим, – сказал пограничник, возвращая паспорт Гостю.

Гость насторожился.

– А можно посмотреть документы у пассажиров? – внезапно спросил пограничник.

– Да, конечно, – ответил Гость, – сейчас...

Ругаясь про себя, он повернулся к машине чтобы сказать сидевшим в салоне о требовании пограничника. Наверно придется давать взятку, подумал Гость, а если не возьмет, то...

Ночную тишину разрезал громкий хлопок...

Как только Гость отвернулся, пограничник вскинул автомат и выстрелил Гостю в спину. Тот вскинул руки и упал. Как по команде оставшиеся пограничники подняли оружие и тоже открыли огонь.

По машине, словно градины, застучали пули. Водитель погиб мгновенно от многочисленных попаданий. Охранник среагировал молниеносно. Он открыл дверь машины, спрыгнул на землю, перекатился за близлежащий камень и открыл ответную стрельбу. Один из «пограничников» коротко, вскрикнув, рухнул как подкошенный. Остальные нападавшие тут же попрятались в укрытия. Саид Гул пытался отстреливаться из пистолета. Он палил наугад в темноту, спрятавшись за передним сидением машины.

Пограничник, застреливший гостя, осторожно обошел сбоку автомобиля и всадил несколько пуль в то место, где должен был сидеть Саид Гул. Выстрелы из пистолета мгно-

венно прекратились. Прикрываясь машиной, пограничник крадучись и плотно прижимаясь к машине, зашел в тыл отстреливавшемуся от нападавших охраннику. Самого охранника он не видел, но видел вспышки из-за камня и неясный силуэт лежащий на земле в кустах. Прицелившись, пограничник сделал два одиночных выстрела по силуэту. Автомат охранника мгновенно замолчал.

– Все, – крикнул пограничник в темноту, – заканчивай стрелять.

Он осторожно подошел к кустам и пнул лежащее там тело охранника. Афганец еле слышно застонал. Пограничник разрядил его автомат и обыскал лежавшее под ногами тело раненого человека. Нападавший нашел пистолет и выкинул его как можно дальше во тьму. Больше оружия, кроме ножа, у охранника не было. Нож нападавший не взял.

– Все, четверо готовы, – снова прокричал пограничник. – Идите все сюда.

Из темноты к нему подбежало двое. Они как вкопанные остановились возле лежащего тела охранника.

– Он одного нашего убил, – зло сказал один из прибежавших.

– Ничего, нам больше достанется, – махнул рукой «пограничник», – теперь быстрее уходим, нашумели мы тут.

С этими словами все трое бросились к машине. Они открыли дверь и главный выхватил из мертвых рук Саид Гула сумку и открыл ее. Удостоверившись, что там деньги они закрыл сумку и уже было собирался уходить, как старший заметил что-то блестящее на пальце мертвеца. Это была одной из самых прекрасных вещей, которые нападавший видел в своей жизни. Одним быстрым движением он сорвал с пальца Саид Гула подаренный перстень повертел его и сунул себе в карман.

– Заберите труп нашего и уходим, – скомандовал он.

Все трое быстро скрылись в темноте.

Всю перестрелку Ануш пролежал зажмурившись и вжавшись в пол автомобиля. Он слышал как погиб Саид Гул, как перестал отстреливаться охранник, как забирали сумку и как уходили напавшие на них.

Наступила тишина. Подождав еще пару минут Ануш решил выглянуть из своего убежища. Салон был испещрен пулевыми отверстиями и наполнен трупами людей, по резиновым напольным коврикам автомобиля растекались большие темные лужи крови. Ануша чуть не стошнило. Он впервые видел столько мертвецов, да и вообще видел мертвецов так близко. Превозмогая приступы тошноты, мальчик выбрался из-за заднего сидения и вышел из машины на улицу. Свежий ночной воздух немного привел Ануша в чувства, и тошнота отступила. Он был растерян и не знал что делать?

Из ближайших кустов послышался стон. Ануш осторожно подошел к ним и взгляделся в темноту. В лунном свете он увидел лежащего на спине охранника. Тот полусидел прижавшись к камню, одежда на его правом плече и ноге были мокрыми от крови. Увидев Ануша, охранник тяжело выдохнул:

– Мальчик, иди сюда, помоги мне.

Ануш с осторожностью приблизился.

– Помоги встать, – протянул ему руку охранник.

Ануш крепко схватился за его руку и потянул на себя из всех сил. Охнув охранник попытался встать. Это у него с трудом, но получилось.

– Пошли к машине, – сделав пару вдохов сказал он.

Опершись на Ануша как на палку, охранник на одной ноге заковылял к машине. Охранник облокотился на капот и сказал мальчику:

– Посмотри в машине, там должна быть аптечка.

Ануш послушно полез в салон. Порывшись в машине, он достаточно быстро обнаружил аптечку под пассажирским сидением и принес ее еле стоявшему на ногах охраннику.

– Открой ее, – скомандовал тот, – достань бинт и перевяжи мне руку и ногу.

Ануш открыл аптечку, достал оттуда бинт и попытался забинтовать руку охраннику. Получалось не очень умело. Но превозмогая боль охранник старался подсказать мальчику как это делается. И вскоре у Ануша начало получаться.

Дошла очередь до ноги. Охранник сказал, чтобы Ануш вытащил жгут из аптечки и намотал его выше раны. Мальчик послушался. Афганец снял с себя куртку, вытащил нож и велел Анушу отрезать рукав у его рубашки и использовать как перевязку для ноги. Мальчик, так быстро как мог, все сделал.

– Надо уходить, – сказал охранник, – Мы слишком долго тут находимся, сейчас примчатся все и друзья, и враги.

С этими словами охранник, превозмогая боль, повернулся к автомобилю. Он внимательно оглядел капот. Несмотря на интенсивный огонь в капоте было всего несколько пулевых отверстий, одна фара была разбита и в одном месте пробит радиатор. Охранник поднял крышку капота. Тут он понял, как им повезло, двигатель был цел.

Пробормоча благодарность Аллаху, охранник велел Анушу попробовать завести машину. Ануш метнулся к двери водителя и открыл ее. На переднем сидении, уронив голову на грудь, сидел труп водителя. Мальчик с секунду помедлил, размышляя что делать? Он жутко боялся прикоснуться к мертвецу.

– Что ты возишься? – послышался толи голос, толи стон охранника.

Понимая, что драгоценное время уходит, Ануш собрался со всеми силами и вытянул мертвеца из машины. Труп водителя упал на землю как мешок с картошкой.

Ануш взобрался на сидение и повернул ключ в замке зажигания. Двигатель лениво проорчал, но не завелся.

Охранник порылся под капотом.

– Еще раз, – сказал он.

Ануш снова повернул ключ. Машина завелась.

– Помоги, – позвал охранник.

Ануш помог ему влезть на водительское сидение.

– Принеси там в кустах мой автомат, – сказал Анушу охранник.

Ануш побежал в кусты, быстро нашел там оружие и принес охраннику.

– Залезай внутрь и выбей прикладом все переднее стекло, – дал указание афганец.

Ануш залез на переднее пассажирское сидение и изо всех сил нанес несколько ударов по пробитому всему в трещинах лобовому стеклу. Стекло разлетелось.

Водитель, застонав, выжал сцепление, переключил скорость, и машина двинулась.

– Дядя, а вы знаете куда ехать? – робко поинтересовался Ануш.

Охранник слабо улыбнулся и ответил:

– Знаю, не бойся. Я сюда не в первый раз хожу. Я хорошо знаком с приграничными районами на этой стороне.

Ануш успокоился и сел. Дальнейшая дорога прошла в молчании.

Когда машина остановилась, пики гор уже начали светлеть.

– Выходим, – скомандовал охранник.

Ануш вылез из машины и помог выбраться афганцу. Грунтовая дорога заканчивалась у скалы, дальше проезда просто не было. Как только они вышли, из кустов сразу повыскакивали несколько вооруженных человек. Это были люди, охранявшие их караван. Они моментально бросились к охраннику.

– Что случилось, Муродулло? Где Саид Гул? – с ходу стал спрашивать один из афганцев.

– На нас напали на дороге, Саид Гул мертв, – ответил охранник.

В это время с заднего сидения афганцы вытащили тело Саид Гула.

– Кто напал? – снова спросил афганец.

– Не знаю, похоже пограничники, – ответил Муродулло.

– А деньги?

Муродулло опустил голову и смолчал.

– Вот же дети свиньи, – ругнулся афганец. – А мы вас тут ждем. Все уже давно переправились, а вас нет. Господин приказал вас ждать. Мы боялись, что уже должны появиться пограничники. Но теперь можно идти.

Двое охранников подхватили раненого Муродулло и потащили вниз к реке, еще один взвалил на себя тело Саид Гула и пошел туда же. Ануш последовал за ними, стараясь не отстать. Переход обратно за реку прошел без происшествий.

***

Три человека в камуфляжной форме сидели в пещере вокруг черной сумки. В углу пещеры лежал труп их четвертого товарища.

– Здорово все получилось, – сказал один.

– Да уж. А что теперь с этим делать? – кивнул второй на труп.

– Ничего, кинем в ущелье, пусть звери съедят и все, – ответил старший, – Его доля нашей станет. Главное, что мы все сделали как надо.

– И свидетеля оставил? – спросил второй.

– Да, охранник остался жив, только ранен. Я постарался стрелять аккуратно, но было темно, и поэтому на все была воля Аллаха, – улыбнулся старший. – И тот все-таки остался жив. Теперь, если будет воля Аллаха и его кто-нибудь найдет, то он все равно расскажет, что напали пограничники. А там пойдешь разберись, как и кто?

– А что это ты у того афганца из машины взял? – спросил первый.

– А вот, – с этими словами старший полез в карман и достал перстень Саид Гула.

Он сразу же надел его себе на палец.

Все разом с интересом и завистью стали его рассматривать.

– Все готово? – раздался голос позади них.

Сидевшие в пещере люди дрогнули, вскочили на ноги и подняли автоматы. У входа в пещеру стояла высокая фигура.

– Это ты дорогой, – успокоился старший. – Ну и напугал ты нас, проходи.

Человек прошел в пещеру:

– Как дела? – поинтересовался он.

Старший кратко пересказал события ночи.

– Хорошо, – кивнул человек, – Где деньги?

– Вот, – указал старший на сумку.

Человек подошел к сумке, открыл ее и достал четыре пачки зеленых банкнот. Он раздал их каждому из нападавших, а четвертую отдал старшему, чтобы он распорядился ей, как пожелает.

«Лжепограничники» с жадностью схватили деньги и стали их вертеть в руках и пересчитывать, уже не обращая внимания на пришедшего человека. Это и стала их роковой ошибкой.

Воздух прорезал звук нескольких выстрелов.

Человек засунул за пазуху два дымящихся пистолета. Перед ним лежали три трупа. Он забрал у них деньги и положил обратно в сумку. Тут он заметил поблескивающий на пальце у одного из убитых золотой перстень. Перстень был богато украшен и мел оригинальную форму. Человек попытался снять его с пальца убитого, но ничего не выходило. Тогда он вынул нож и острой сталью одним движением отсекла предводителю «лжепограничников» палец. Человек снял кольцо, повертел его в пальцах и засунул его в карман. Затем он взял сумку и покинул пещеру.

***

Ануш провел в афганском кишлаке, куда их привезли из лагеря беженцев, еще около двух суток. Всех остальных носильщиков уже отправили обратно в лагерь, а его оставили.

Обращались с ним хорошо, накормили и даже дали поношенную, но чистую одежду: национальные широкие штаны и длиннополую рубаху, а также шерстяную шапку, пакуль, и шерстяной свитер. Вообще от афганцев чувствовалась благодарность, за помощь в спасении их человека и постепенно тревожное чувство у Ануша прошло.

На следующий день после возвращения с таджикской стороны мальчика допрашивал сам Абдуззакир. Он живо интересовался деталями всего происшедшего. Волнуясь и старательно подбирая слова и знакомые выражения, Ануш рассказал о том, что случилось. Узнав, что мальчик является племянником доктора Файзали, а также происшествии, подтолкнувшем его к занятию носильщиком, Абдуззакир всплеснул руками и распорядился выдать мальчику продуктов и первой же машиной отправить в лагерь беженцев. При этом, афганец, нанявший его на работу, получил нагоняй. На прощанье Абдуззакир положил Анушу в карман зеленую двадцатидолларовую бумажку и сказал, чтобы тот никому ничего не рассказывал. Ануш кивнул.

На третий день после возвращения джип Абдуззакира привез мальчика обратно в лагерь беженцев.

Выйдя из машины, Ануш почувствовал на себе любопытные взгляды обитателей лагеря, поначалу не понявших, кто приехал.

Мальчик вытащил из машины большой пакет с продуктами, попрощался с водителем и направился к своей палатке. Его провожали шушуканья беженцев, смотревших ему в след.

Из трубы палатки шел дымок. Ануш подошел ко входу и прислушался. Внутри кто-то тихо разговаривал. Собравшись с духом мальчик переступил порог.

В палатке он сразу увидел тетю Зухру, которая что-то помешивала в чашке, Мадину, перебиравшую вещи в углу и человека, сидевшего спиной к выходу.

Увидев Ануша, Зухра выронила чашку, прикрыла рот рукой и заплакала.

Человек повернулся ко входу. Это был Файзали. Его лицо было уставшим и печальным. Он вскочил на ноги и бросился к мальчику. Файзали крепко обнял Ануша и, кажется, тоже заплакал.

Гости

Возвращение Файзали принесло большие изменения в семью, где жил Ануш. Его задержка объяснялась только тяжелой болезнью семьи Шер Мухаммада, с которой доктору удалось справиться. Антибиотики просто творили чудеса с не знавшими прививок и профилактической медицины организмами жены и сына полевого командира. К слову, Файзали пришлось израсходовать на них почти весь свой неприкосновенный запас медикаментов. Но Шер Мухаммад остался доволен доктором. Но все неожиданности были еще впереди.

В одном из разговоров Шер Мухаммад узнал о двоюродном брате доктора Файзали Кори Кариме и был очень удивлен. Оказалось, что Кори Карим жил в селении Дарахтисеб, которое находилось трех-четырёх километров от городка Шахрак, находившегося рядом с приграничными районами и где проживал сам полевой командир. Он был очень известным муллою (мусульманским священником) в округе и его уважали за мудрость и справедливость. Шер Мухаммад отдал приказ, Кори тут же нашли и оповестили о Файзали. Тот не замедлил приехать. Встреча двоюродных братьев была теплой.

После того как семья Шер Мухаммада пошла на поправку он сделал неожиданное предложение доктору Файзали. Он предложил ему остаться в селении Дарахтисеб и быть местным доктором. Он обещал ему и его семье безопасность и поддержку, тем более, что Файзали был чуть ли не единственным доктором на десятки километров вокруг. А когда в Таджикистане все утихнет, то Файзали, если захочет, сможет вернуться обратно. Шер Мухаммада горячо поддержал Кори Карим.

Файзали, недолго думая, согласился. Ему позарез нужно было вытаскивать семью из полуголодного и холодного лагеря беженцев. Этот ответ снова понравился Шер Мухаммаду, и он отправил доктора за семьей.

Прибыв в лагерь, Файзали с горечью узнал ту историю с продуктами, которая приключилась в его отсутствие. Задав пару вопросов он понял куда ушел Андрей. А после того как узнал, что все носильщики вернулись, а Андрей нет, к тому же некоторые из «работников» говорили, что, якобы, слышали выстрелы недалеко от переправы, Файзали сник. Он проклинал себя, что не уберег Ануша.

Доктор решил забрать семью, а затем обратиться к Шер Мухаммаду за помощью, чтобы узнать, что случилось с мальчиком. Но внезапное возвращение Ануша вернуло старому доктору жизненные силы.

Немедля ни минуты Файзали собрал все свои вещи, погрузил их и семью в машину, предоставленную Шер Мухаммадом, и уехал оставив за собой жизнь беженца.

Далее все складывалось более-менее удачно. В кишлаке Дарахтисеб их уже встречал Кори Карим с сыновьями. Он сразу же проводил их в свой дом, где и предложил проживать Файзали и его семье.

Дом у Кори был небольшой, но двухэтажный, частично сделанный из сырого кирпича, а частично из камня и походил на большую коробку. Территорию вокруг дома ограждала стена из глины. Сразу за забором находилась небольшая мечеть, где Кори вот уже много лет каждый день призывал людей пять раз в день на молитву. Тут же находилось и медресе, религиозная школа, где Кори Карим обучал местных жителей основам ислама, учил читать по-арабски и вообще старался наставлять местную молодежь на путь правоверных мусульман.

Вещи, которые семья Файзали привезла с собой, сгрузили в один из сараев, находящихся во дворе Кори. Жена и две дочери Кори уже готовили праздничный ужин. Они тепло встретили своих родственников из Таджикистана. Зухру и Мадину, сразу же разместили на женской стороне дома. Их взяла под опеку Фавзия, жена Кори. Теперь о них можно было не беспокоиться.

Ануша и Файзали, кори пригласил в дом. Там, посреди комнаты, на полу был уже накрыт стол. Стояли круглый фарфоровый чайник, несколько пиал, горячие лепешки и еще несколько блюд национальной кухни.

Кори просил гостей рассаживаться на одеяла, расстеленные вокруг накрытого «стола». После того как Файзали, Ануш, Кори и два его сына-близнеца: Хасан и Хусейн, заняли свои места, хозяин дома прочел молитву и со словами «Омин» лично разлил чай гостям.

Давно Ануш так вкусно не ел. Из всех блюд ему, конечно, понравился плов. Он готов был есть его бесконечно. А запивать его ароматным зеленым чаем, было вообще божественно. Наблюдая за мальчиком Кори тихо улыбался себе в седую бороду.

За столом шла неторопливая беседа.

– Я поговорил со старейшинами селения, – обратился Кори к Файзали, – тебе выделяют тут домик, где ты сможешь открыть больницу. Все старейшины даже рады были, что у них появится доктор. Помогут всем, чем смогут.

– Большое спасибо, брат Кори, – ответил Файзали, – я очень рад это слышать.

– Жить пока будешь у меня, вместе с семьей, места всем хватит. Потом, как освоишься, свой дом построишь. Все хорошо будет, – продолжал Кори.

– Я вам очень благодарен, Кори. Но я пока не могу точно сказать, останусь или нет, – откровенно сказал Файзали, – Очень хочется вернуться на родину... Но, на все воля Аллаха.

– Воистину, Аллах велик и всеведущ, и на все воля Его, – кивнул Кори, – А я смотрю твой племянник проголодался. Что, мальчик, нравится плов? – улыбнулся Кори, переводя внимание на Ануша, уплетающего за обе щеки.

Мужчины, сидевшие за столом, дружно рассмеялись. Ануш, поднял глаза на Кори и постарался быстро проглотить, уже имеющийся во рту плов. У него поначалу это не получалось. Это вызвало еще больше смеха. Наконец, справившись с едой, Ануш ответил:

– Да, спасибо, вкусно.

– Кушай на здоровье, – улыбнулся Кори, – Тебе сколько лет?

– Четырнадцать, – ответил Ануш.

– Большой уже, – снова улыбнулся Кори, – В школе учился?

– Да.

– Писать и читать умеешь?

– Да.

– А в мечеть ходишь? Намаз¹² читаешь?

Тут Ануш замолчал.

– Уважаемый Кори, у нас детей в мечеть водить не принято было. Некоторые мечети работали, а детей водить не разрешали. А в лагере для беженцев в мечеть он ходил, – ответил за Ануша Файзали.

– Ну и так хорошо, – кивнул Кори, – Гляжу он у тебя не разговорчивый.

Ануш с Файзали переглянулись.

– Дело в том, уважаемый Кори, – сказал Файзали, – что мальчик недавно получил ранение, когда мы переходили границу и хотя почти выздоровел, но все еще трудно ему разговаривать. Есть еще причина, он в Таджикистане учился в русской школе, таджикский знает более-менее, а вот на дари¹³ говорить стесняется. Боится, что скажет что-то не так и его засмеют.

Кори рассмеялся и покивал головой:

– Понимаю, дорогой Файзали. Но это ничего. Я сам чуть-чуть говорю по-русски, еще со времен шурави. Хорошие времена были. Как это: «сдрастуй салдат», «хадит», «сигарет», – попытался по памяти воспроизвести знакомые слова Кори, – С помощью Аллаха мы его всему

---

¹² Молитва у мусульман

¹³ Афганский вариант языка фарси

научим. Будет говорить, как настоящий афганец. Будет заниматься у меня в медресе, я научу его исламу, научу читать священный Коран, все хорошо будет.

– Спасибо, уважаемый Кори, – поблагодарил его Файзали.

– А что ты учил в школе? – обратился Кори к Анушу.

– Русский язык, – начал, было, перечислять Ануш и запнулся. Он не знал, как называются его школьные предметы на дари, – Я не знаю как сказать, – честно признался он.

– Ничего страшного, – успокоил его Кори, – говори, если что не пойму, Файзали переведет.

– Литература, – по-русски сказал Ануш.

Кори вопросительно посмотрел на Файзали.

– «Адаб», «адабиёт», – перевел слово Файзали, – это предмет в школе на котором изучают писателей.

– Понятно, – кивнул Кори, – И каких писателей ты знаешь? – обратился он к Анушу.

– Пушкин, Лермонтов, Толстой, – начал перечислять Ануш.

Кори повертел головой:

– Не знаю таких. Это русские писатели?

– Да, – ответил Ануш.

– А что они писали? – поинтересовался Кори.

– Стихи и рассказы – ответил Ануш.

– Интересно, – покивал Кори, – а еще что изучал?

– Географию, – снова по-русски сказал Ануш.

– Джографи, – перевел Файзали.

– Английский язык, – продолжил уже на таджикском Ануш.

– Ты знаешь английский язык? – поинтересовался Кори.

– Немного, – замялся Ануш, – читать могу, чуть-чуть, говорить так... Четверка была в школе.

– Четверка? – не понял Кори.

– Это оценка знаний у них в школах, – пояснил Файзали, – самая высшая оценка – пятерка, самая низшая двойка.

– Тогда четверка, это, наверное, хорошо, – подытожил Кори.

– Да, именно хорошо, – кивнул Файзали.

– Ну, еще историю учили, – продолжил Ануш. Слово «тарих», обозначающее «историю» на таджикском языке он знал, – математику, – а это он уже произнес по-русски.

– Риязи, – перевел Файзали.

– Ты знаешь математику? – оживился Кори, – Умеешь складывать, вычитать, умножать, делить?

Ануш кивнул, он, правда, половины сказанного не понял, но кивнул.

– И какая у тебя была оценка по математике? – спросил Кори.

– Пять, – твердо ответил Ануш.

Старик заулыбался и одобрительно закивал.

– Слышал, Хасан, – обратился Кори к одному из сыновей, – он знает математику и умеет считать. Знает географию, историю, русский и английский. У нас такого ученого в округе вообще нет. Ты искал помощника, и Аллах послал тебе его. Вот он, перед тобой.

Один из братьев близнецов улыбнулся и одобрительно закивал.

– Посмотрим, посмотрим, – хохотнул Хасан.

Обоим братьям-близнецам было уже за тридцать. В мусульманских обычаях является так называть близнецов, в честь братьев, одних из первых сподвижников ислама. Они были похожи как две капли воды, но у Хасана в черной бороде имелась небольшая проседь, тогда как у Хусейна борода была черна как смоль.

– А чем занимается уважаемый Хасан? – поинтересовался Файзали.

– Я помогаю на складе уважаемого Шер Мухаммада, – ответил тот, – веду учет. Но работы в последнее время много, и я стал подумывать о помощнике. Но у нас в округе мало людей, кто хотя бы умел сносно читать и знал счет, а про математику и вообще говорить нечего.

– Хасан закончил институт в Кабуле, еще при шурави, – с гордостью сказал Кори, – а вот Хусейн, от машины ремонтировать мастер. У него своя мастерская.

– Это очень хорошо, – сказал Файзали, – А чем тут люди вообще занимаются?

– Да по-разному, – ответил Кори, – кто чем. Кто скот пасет, кто ездит купить-продать. Многие земледельцы работают на Шер Мухаммада. Раньше, при шурави и президенте Наджибулле, люди выращивали зерно, картошку, овощи, фрукты. Теперь мало. С недавнего времени, пару лет как, крестьяне начали выращивать мак...

– Значит наркотиками заниматься, – подытожил Файзали.

– Я, как служитель веры, их не осуждаю. А что им делать? – продолжал Кори, – Людям надо как-то зарабатывать деньги, чтобы жить. Воюем уже четырнадцать лет. У нас тут какая-то международная организация пыталась восстановить земледелие, выращивали зерно. И что? Оно капризное, требует много ухода и затрат, количество урожая их не всегда окупает. Да еще и одна мельница на несколько районов. Нужно заплатить мельнику, чтобы он взял именно твое зерно. Иначе жди в общей очереди, пока зерно не испортится. А то и вообще выбрасывай, не берет его мельник. В общем, не пошло. Тогда Шер Мухаммад привез специалистов из Пакистана. Они научили людей мак выращивать. И тут дело пошло. Продукцию Шер Мухаммад всю скупает. У людей деньги появились. Он и раньше занимался контрабандой всего, и даже наркотиков. Но он их готовые в Пакистане брал. А теперь у себя выращивает. Часть опиума-сырца продает в Пакистан или обменивает на уже готовый героин. И его люди носят его на ту сторону реки. Но он планирует и у себя тут лабораторию открыть. И сам их делать. Да только пока специалистов нет, – хмыкнул Кори.

– Да я тоже не осуждаю никого, Аллах один судья всем, – сказал в ответ Файзали.

– Воистину так, – кивнул Кори, – Кстати, у нас тут ходят слухи об одном мальчике, который ходил на ту сторону с грузом Шер Мухаммада и спас от пограничников одного из людей Шер Мухаммада. Говорят, там жуткая перестрелка была. Этот охранник, Муродулло, он, Кстати, местный и скорее всего, будет лечиться у тебя, Файзали. – С этими словами Кори с хитринкой в глазах посмотрел на Ануша.

Это не скрылась от глаз Файзали, и он тоже взглянул на него. С момента возвращения Ануша они не разговаривали о том, что с ним произошло. Файзали не ругал Ануша, потому что понимал, что он сделал выбор, чтобы помочь семье, может и не правильный, но выбор, и поэтому не спрашивал его ни о чем. Ждал, чтобы тот рассказал все сам. Ануш тоже не хотел говорить, что произошло ему было отчего-то страшно и стыдно вспоминать происшедшее. Да еще он обещал не говорить ничего Абдуззакиру.

Поняв, что происходит что-то не то, Кори решил разрядить обстановку:

– Еще поесть не желаете или чаю? – спросил он.

– Нет, спасибо, – поблагодарил его Файзали, – все было очень вкусно.

Вскоре ужин закончился. И немного еще поговорив, все обитатели дома стали укладываться спать.

Но перед этим Кори подозвал к себе Ануша и сказал ему следовать за собой. Они поднялись на второй этаж в комнату самого Кори. Старик подошел к сундуку, стоявшему в углу комнаты, и открыл его. Ануш с интересом заглянул туда через плечо Кори. Сундук был полон газет и книг, написанных арабской вязью на языке дари.

Немного покопавшись, Кори повернулся и протянул Анушу завернутый в газету предмет.

– Возьми, это тебе, – проговорил старик, – Это осталось от одного моего друга, его звали Олег. Он был русским солдатом, офицером. Да поможет тебе Аллах в познании и учебе.

– Спасибо, дедушка Кори, – ответил Ануш, беря в руки предмет.

Это оказалась книга. Она была несколько раз заклеена, а на твердой красной обложке уже стерлось название. Ануш открыл книгу и с удивлением для себя обнаружил, что она написана на русском языке. На первой странице было написано «Дари-русский словарь», и ниже Москва 1986 год. Далее шла надпись от руки, сделанная на языке дари.

– Тут написано: «Я купил эту книгу на Кабульском базаре у Бахрома Ого в 1988 году за 40 афгани».

Ануш с благодарностью посмотрел на Кори.

– Большое спасибо! – еще раз произнёс он.

– Теперь иди спать. Завтра рано вставать на молитву, – отправил его спать старик.

Ученик

– ... А-л-ай-х-им ва ла аз-за-лл-и-на, – закончил вслух читать Ануш, оторвал взгляд от затертой книги и поднял глаза на Кори.

Сегодня он впервые сам прочел на арабском языке первую суру Корана под названием «Аль Фатиха» и был невероятно горд.

Уже прошло четыре недели, как они переехали из лагеря для беженцев в селение Дарактисеб и жили у Кори Карима, который им очень помогал. Места в доме хватало всем и Кори даже не хотел слушать, когда Файзали заводил разговор, чтобы съехать от него. Кори рассуждал так: когда полностью доделаешь больницу, поживешь тут и решишь, что делать, возвращаться на родину или оставаться, тогда поговорим о твоём собственном доме.

Файзали, при содействии старейшин селения, получил небольшой и заброшенный домик, неподалеку от дома Кори, где и начал обустроить больницу. Пациентов, конечно, же было море. К нему съезжались даже с окрестных сел. Он уходил рано утром и приходил поздно вечером.

Зухра и Мадина постоянно помогали по дому жене и дочерям Кори и практически всегда находились на женской половине дома.

Ануш, сразу после приезда стал посещать занятия в медресе при мечети Кори. Помимо него, в его классе занималось еще несколько местных мальчиков в возрасте от 12 до 16 лет.

Все медресе представляло собой небольшую комнату, где на полу сидели ученики вокруг учителя и пытались внимать его мудрости. Перед учениками стояли специальные подставки для книг или скамейки на которых лежали пара книг, несколько листков и карандаши.

На занятиях они учились читать и писать на арабском языке, изучали Коран и традиции ислама. Также во время учебы Кори читал им проповеди по правилам поведения в обществе и отношениях между людьми: «Будьте добры и милосердны друг к другу, ибо, воистину, Аллах добр, и он любит проявления доброты во всем» – говорил он.

Помимо этого, Кори уделял время, чтобы позаниматься с Анушем языком дари. У Кори, как оказалось, была небольшая библиотека, в которой имелось пара стареньких учебников, изданных еще в 80-е годы XX века. Но и их хватало для того, чтобы стараться освоить этот древний язык.

Анушу нравилось учиться и узнавать что-то новое. Он чувствовал себя первооткрывателем или путешественником, попавшим в неизведанный мир и теперь старательно изучавшим его. Эта мотивация, в купе с живостью, любознательностью и пытливостью ума стали залогом того, что Ануш быстро прогрессировал в учебе. И вот настал момент, когда он сам, при других учениках медресе и своем учителе, пусть и неуверенно и по слогам, но все же вслух прочел суру из Корана на арабском языке.

– Для первого раза хорошо, – похвалил его Кори. – Но нужно еще заниматься!

Кори был очень доволен своим новым учеником, но не показал этого при всех. Действительно, Ануш быстро все схватывал и наработывал необходимые знания как в их занятиях в медресе, так и в языковых упражнениях по дари.

Раскрасневшийся от волнения Ануш кивнул.

– Хорошо, – обратился Кори к классу, – теперь повторим наши истины. Какие самые главные слова на свете?

«Ла Иаха ила-ЛЛлах ва Мухаммаду-Ррасулуллах»¹⁴ – хором повторил весь класс.

– Когда упоминается имя Пророка, я говорю ... – продолжал Кори.

---

¹⁴ Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммад – Посланник Аллаха.

«Салла-Ллаху Алейхи ва Саллам»¹⁵ – снова повторил класс.

– Когда я встречаю кого-нибудь, я говорю...

«Ассламуалейкум ва Рахматуллахи ва Баракатух»¹⁶

– В ответ...

Неожиданно слова Кори прервал тихий стук в дверь. Из-за двери в комнату просунулась голова одного из помощников Кори по делам в мечети.

– Извините меня, учитель – сказал помощник, но у меня одно срочное дело к вам.

Кори жестом пригласил его войти.

Помощник аккуратно прошел среди учеников к Кори, склонился и стал что-то быстро шептать ему на ухо указывая пальцем на дверь.

Сидевший рядом Ануш разобрал только слова «гость», «ждет» и «дело». После слов помощника лицо Кори помрачнело.

– Хорошо, иди, – обратился он к помощнику.

Тот поклонился и вышел.

– На сегодня занятия окончены, – обратился Кори к классу. – Дома выучите тот отрывок из Священного Корана, который я вам показал...

Ученики встали и произнесли короткую молитву и попрощавшись с учителем, стали покидать медресе.

Анушу стало интересно, кто этот «гость», ради которого Кори так внезапно закончил занятия, чего раньше за ним не замечалось.

– Ануш, подожди, – окликнул мальчика Кори. – Ты куда сейчас пойдешь?

– Мадина сейчас понесет обед дяде Файзали и дяде Хасану. Я пойду с ней. Дядя Хасан попросил помочь ему на складе, – ответил Ануш.

– Хорошо, – кивнул старик, – иди.

Ануш вышел из медресе, и пошел через дворик одноэтажной глинобитной мечети на выход. Пересекая дворик, мальчик заметил одиноко сидящего в углу человека.

Поджав ноги под себя, на небольшом коврикe восседала могучая фигура мужчины в камуфляжной форме. Даже под формой можно было различить его мощные плечи и мускулистые руки. На вид гостю было чуть более сорока лет, он имел очень смуглую кожу, ниспадающие на плечи волнистые черные волосы и такую же черную бороду, которая покрывала всю его шею. Анушу в глаза сразу бросился шрам на его левой щеке, идущий от глаза, пересекающий всю щеку и теряющийся где-то в зарослях бороды. Из-за шрама, левого глаза практически не было видно, зато правый глаз зорко и оценивающе сопровождал выходящих из медресе учеников.

Тут глаза мальчика и неизвестного гостя встретились. По спине Ануша побежали мурашки. Это был не просто взгляд. Наверное, так смотрит хищник на свою жертву или палач на того кому его придется казнить. Взгляд прожигал мальчика насквозь. Ануш опустил голову и поспешил к выходу. Но даже тогда он чувствовал спиной, как этот взгляд прямо физически сверлит его спину. Мальчик даже задержал дыхание в следствие внезапно обуявшей его тревоги.

«Мир тебе, Милость и Благодать Аллаха, Али», услышал Ануш за спиной голос Кори. Потом старый мулла произнес еще несколько фраз по-арабски, которых Ануш не понял. Неожиданно тяжелый взгляд отпустил его. «И тебе Мир, Милость и Благодать Аллаха, уважаемый Кори», услышал, уже выходя, из ворот Ануш хриплый голос гостя, говоривший на чистейшем арабском языке.

---

¹⁵ Да будет Ему благословение и мир от Аллаха

¹⁶ Мир вам, Милость и Благодать Аллаха

Дальнейшего разговора Ануш не слышал. Как только он покинул мечеть, то с облегчением выдохнул и поспешил домой.

Подойдя к дому, в дверях он столкнулся с Мадиной. Одета в национальное афганское платье с покрывающим голову платком, оставлявшим открытым только лицо, девочка несла матерчатый сверток, в котором была завязана еда для Файзали и Хасана.

– Ассламуалейкум ва Рахматуллахи ва Баракатух, – церемонно поприветствовал ее Ануш.

Девочка захихикала, от того пафоса с каким было произнесено это выражение.

– Ва Алейкум ас-Салам, – ответила она все еще хихикая.

– Ты почему смеешься? – насупился Ануш.

– Посмотрел бы ты на себя, – ответила ему Мадина. – Ты как индюк, такой важный, напыщенный.

Ануш в ответ просто махнул рукой. Ему не хотелось спорить, тем более, что над каждым его словом эта хохотушка будет смеяться еще сильнее.

– Обед несешь дяде Файзали? – сменил он тему.

– Да, – кивнула девочка. – Пойдешь со мной?

– Конечно, – ответил Ануш, – Мне к дяде Хасану надо на склад. Он помощь просил.

– Тогда пошли, – кивнула Мадина.

Ануш сдвинул свой пакуль на затылок, как тут его носили многие мужчины, и мальчик и девочка двинулись вперед по кривым улочкам кишлака.

Весна вступила в свои права. День был солнечным и теплым. Деревья начинали цвести буйным цветом, и воздух наполнялся ароматами расцветающей природы. Это новое весеннее солнце согревало не только тело, он как будто бы проникало сквозь кожу и нежно гладило своими теплыми лучами сердце и душу. В купе с наполняющим грудь свежим горным воздухом, солнце дарило покой и надежду на скорое хорошее будущее. Именно эти чувства испытывал Ануш, когда шел вместе с Мадиной по грунтовой дороге селения, которую до него топтали ноги местных жителей многие сотни лет.

– Как дела в медресе? – отвлек Ануша от своих мыслей звонкий голос Мадины.

– Нормально, – ответил он. – Учусь вот по чуть-чуть.

– У тебя уже хорошо получается, – продолжила она разговор.

– Мне нравится учиться, а дедушка Кори хороший учитель, – пожал плечами Ануш.

– А домой не хочется? – неожиданно спросила Мадина.

Вопрос разбудил ту горечь в сердце мальчика которую он старался унять все это время. Конечно же, ему очень хотелось домой. Он практически каждый день думал о своей семье и это часто приводило к тому, что слезы накатывались на его глаза. Но потом он вспоминал разговор с Файзали, который состоялся в первые дни их пребывания в лагере. Это придавало уверенности, и мальчик брал себя в руки и мужественно сам себе давал обещание вернуться.

– Конечно хочется, – ответил он девочке. – А тебе?

– Тоже, очень-очень, – посмотрев ему в глаза ответила она. – Мама говорит, что может быть скоро мы вернемся. Они разговаривали с папой и тот сказал, что по слухам некоторые беженцы стали возвращаться из лагерей домой. Может и мы скоро поедem.

– Правда?! – не поверил своим ушам мальчик.

Мадина улыбнулась и кивнула.

Новость очень понравилась Анушу, он придала ему сил. От радости он высоко подпрыгнул и обнял девочку. Та покраснела и моментально вырвалась из его рук. Ануш тоже сразу понял какую ошибку совершил. Ни дай Аллах, чтобы их кто-то увидел. Местные законы были очень строгими и мальчика, и девочку в ту же секунду могли наказать за такие действия, ведь они не были женаты, а в таком случае прикасаться к девочке Ануш не имел права. Тем более,

что Мадина на днях отметила свое тринадцатилетие и, по местным обычаям, практически вошла в возраст невест.

Дети стали быстро озираться по сторонам в надежде, что их никто не видел. Но улочки селения были пусты.

– Ой-ой, – первым прервал молчание Ануш. – Извини...

– Не делай так больше, – сказала тихо Мадина. Румянец с ее лица стал понемногу спадать.

– Ладно, – виновато произнес Ануш, – пошли.

Остальной путь до дома, где располагалась больница Файзали, они проделали молча.

Доктору Файзали выделили пустующий глинобитный одноэтажный домик на окраине кишлака, в котором он и обустроил больницу. Домик был небольшой и заброшенный, но имел одну маленькую пристройку. Внутри, сразу за дверью было два маленьких помещения с окнами, являвшимися основным источником света, не считая бензинового генератора, стоявшего у входа.

Когда Файзали получил этот домик, он требовал ремонта, так как в некоторых местах стены потрескались, а в крыше накрытой соломой зияли дыры. С помощью местных жителей, при помощи тех же старейшин селения, домик был отремонтирован и вычищен. Туда принесли кое-какую старенькую мебель, неизвестно откуда взявшийся шкаф, на котором имелся еще инвентарный номер и несколько надписей ручкой, свидетельствовавшие о его принадлежности еще советским войскам на территории Афганистана. Для удобства осмотра Файзали попросил себе стул, стол и лампу, которые так же не весть откуда нашлись в сараях местных жителей, и имеющие подобные шкафу маркировку. В общем, население с энтузиазмом встретило перспективу появления у них в селении больницы и помогало чем могло.

Через пару дней после того, как больница была открыта, туда наведалься Шер Мухаммад, который привел еще одного афганца. Как оказалось, тот работал на одну из международных гуманитарных организаций. Афганец поинтересовался, что нужно Файзали. Тот назвал инструменты и медикаменты первой необходимости. Афганец кивнул и пообещал помочь. Еще через три дня почти все перечисленное Файзали было у него в распоряжении. Теперь работа просто кипела.

Как ни странно, возле больницы никого не было. Обычно тут толпилась куча народа: женщины с детьми в горячке, кашляющие старики, мужчины с перемотанными конечностями тела, все шли к доктору, а также бывала три – четыре машины привезшие больных из дальних селений. А вот сегодня не было никого.

Ануш и Мадина застали Файзали как раз за осмотром единственного пациента. Вернее, осмотр был уже закончен, и доктор объяснял рослому мужчине, порядок приема лекарств.

– Папа, я обед тебе принесла, – с этими словами Мадина перешагнула порог больницы. За ней появился Ануш.

– Спасибо, дочка, – кивнул ей Файзали. – подожди немного, я сейчас освобожусь.

Мадина так и осталась ждать в первой комнате больничного помещения, не решаясь войти во вторую, где проходил прием. Отец запрещал ей делать это строго настрого.

– Доктор, извините, я вас отвлекаю, – сказал мужчина. Но в его голосе ноток извинения слышно не было.

– Нет, уважаемый, – ответил Файзали. – Мы сначала закончим с вами. Итак, слава Аллаху, у вас все в порядке. Пейте таблетки, как я вам сказал и окончательно выздоровеете.

– Спасибо, доктор, – на это раз искренне сказал мужчина. – Я могу идти?

– Да, конечно.

– Тогда, Худо Хафиз¹⁷ – сказал мужчина.

– Худо Хафиз, – ответил Файзали и направился проводить пациента.

---

¹⁷ Формула прощания в Афганистане и Иране.

Мужчина повернулся и вышел в соседнее помещение. Внезапно в дверях, ведущих на выход из больницы, он столкнулся с Анушем.

– Извините, уважаемый, – сразу же сказал мальчик, опустил голову в знак извинения и посторонился.

– Здравствуй, мой маленький друг, – неожиданно он услышал знакомый голос.

Мальчик поднял голову и взглянул на пациента Файзали. Он сразу вспомнил, где он видел это лицо. Месяц назад, на той стороне реки, во время его неожиданного похода в Таджикистан с другими носильщиками. Перед ним стоял тот самый охранник, вместе с которым они покидали место перестрелки на ночной горной дороге. Но Ануш не помнил его имени. И это его смущало.

– Ты помнишь меня? – заметив некоторое непонимание в глазах Ануша сказал охранник, – Это я, Муродулло.

Конечно же, Муродулло, вспомнил Ануш:

– Здравствуйте, уважаемый Муродулло. Как ваши дела, как здоровье?

– У вас все в порядке? – в дверной проем просунулась голова Файзали.

– Конечно, – улыбнулся Муродулло. – Я тут своего спасителя встретил. Если бы не он я бы тут не стоял. С двумя дырками в теле тащил меня на том берегу.

Файзали метнул в Ануша строгий взгляд. Доктор прекрасно знал, что мальчик скрывает какую-то тайну, но никогда не давил на него, чтобы тот рассказал хоть что-то о своей «прогулке». И вот теперь неожиданно всплывают такие подробности. Ануш опустил голову.

– Это ваш сын, доктор? – обратился к Муродулло к Файзали.

– Нет, – покачал головой тот, – племянник.

– Хороший парень растет, – похлопал мальчика по плечу охранник, – Я в долгу у него. Храни тебя Аллах, парень.

С этими словами Муродулло вышел из больницы и ушел.

– Нам все-таки придется поговорить об этом, – обратился к мальчику Файзали. – Я должен знать, что произошло у вас там, чтобы в случае чего мог тебя защитить.

– Как-нибудь потом, – ответил Ануш, но ему очень не хотелось говорить на эту тему.

– Папа, обед и лепешки остынут, – встряла в разговор Мадина.

– Хорошо, – переключил на нее свое внимание Файзали, – заходи в приемную и поставь обед на стол.

Мадина прошла в «приемные покои» и принялась деловито раскладывать на столе у Файзали обед, состоящий из лепешки и небольшого деревянного блюда с пловом, который готовили накануне.

– Теперь вы куда? – поинтересовался Файзали.

– Мы идем на склад к дяде Хасану, – ответила Мадина. – Я несу ему обед, а Ануш идет помогать.

– Хорошо, – кивнул Файзали.

– Ну, мы пойдем, – закончив раскладывать еду на столе, сказала Мадина, – Мне нужно быстрее возвращаться домой, мама просила помочь еще.

– Ну, идите, – кивнул Файзали.

Он еще раз посмотрел на притихшего у стены Ануша. Тот не проронил ни слова за все пребывание в больнице у Файзали. У него на лбу было написано, что мальчик хочет побыстрее покинуть больницу, чтобы ни дай Аллах не попасть под расспросы Файзали. Поняв, что можно уходить Ануш вежливо, но быстро бросил фразу прощания и шмыгнул за дверь. Мадина, также попрощавшись, вышла спокойно и чинно. Файзали улыбнулся им в след, покачал головой и сел обедать. Впереди был еще трудный день.

До склада, на котором работал Хасан, добрались еще через десять минут ходьбы. Склад находился за кишлаком и представлял собой большую одноэтажную постройку из глиняных

кирпичей, стоявших на фундаменте из глыб речного камня, с обширным двором, обнесенным двухметровым металлическим забором и железными воротами. Это был один из главных складов Шер Мухаммада, служивший перевалочной базой для его контрабандных товаров.

Хасан, как один из немногих людей в округе, имевший образование, и вообще знавший математику и умевший хорошо писать и читать, выполнял на складе роль главного учетчика и управляющего. Он принимал грузы, располагал их по местам, считал, проводил отгрузку и так далее.

В последнее время грузов стало пребывать больше. В основном они приходили из Пакистана и составляли опиум или героин. В последнее время сюда часто стали привозить опиум, купленный у местных крестьян, трудившихся на маковых полях. Это было связано с расширением «бизнеса» Шер Мухаммада и появлением новых направлений сбыта наркотиков через соседнюю пылающую бывшую советскую республику. Прибавилось работы и у Хасана.

Помимо этого, на складе хранились продукты питания из числа гуманитарной помощи от международных организаций на территории афганской провинции Бадахшан, которые покупались у лиц, ответственных за ее раздачу, лазурит, редкостной красоты, который добывался в окрестных горах и являлся хорошим контрабандным товаром и много другого товара, которым промышлял Шер Мухаммад. Все это хранилось отдельно, под строгим контролем и учетом, о чем заботился Хасан.

К идее взять к себе в помощники Ануша, Хасан сначала отнесся как к шутке. Но со временем, стал рассматривать ее более серьезно. Вопрос доверия к перспективному помощнику даже не стоял. Надежным залогом были, пусть дальние, но родственные связи. Тут появилась одна проблема иного рода, мальчик плохо читал и писал на языке дари, письменность которого строилась на арабской графике. На помощь пришел Кори Карим, который стал более усиленно заниматься с мальчиком вопросами чтения и письма и в медресе, и на их совместных занятиях. Через пятнадцать-двадцать дней мальчик уже мог медленно, но читать и, с приложением усилий, но писать. А главное, он учился разбирать те каракули, написанные от руки, которые Хасан использовал в учете товаров на складе.

Видя, что мальчик не глупый и уже чему-то научился, неделю назад Хасан попросил его прийти к нему на склад и помочь пересчитать привезенные мешки с мукой и суммировать их вес. Мальчик справился блестяще. Хасану это понравилось и вот теперь он попросил его еще раз помочь ему в работе.

Мальчик и девочка подошли к большим железным воротам. Ануш вежливо поздоровался и со стоявшим возле ворот вооруженным охранником и поинтересовался его самочувствием, этого требовал этикет. Охранник был уже в курсе того, что это родственники уважаемого Хасана: мальчик помогает ему, а девочка принесла обед. Бородатый афганец также поприветствовал детей и пропустил их на склад.

Попав в большой двор перед складским помещением, Анушу сразу бросился в глаза большой черный джип, стоявший рядом со старенькой «Тойотой» Хасана. Это означало, что к Хасану приехал какой-то важный гость или посыльный от Шер Мухаммада. Из этого следовало, что начальник склада был занят важным разговором и сразу идти к нему не стоило, чтобы не побеспокоить. Лучше было бы немного подождать, когда гости уедут.

Напротив входа на склад стоял небольшой аккуратненький домик из той же глины, но покрытый белой штукатуркой и с покрашенными оконными рамами и дверными косяками. Это был рабочий кабинет Хасана. Там проходили вся работа с бумагами по учету содержимого склада, хранилась документация и находилась комнатка для охраны и узел радиосвязи. Но кабинет Хасана сейчас был пуст. Скорее всего, он находился вместе с гостями на складе.

Рядом с домиком находился деревянный навес, под которым находился большой топчан также из дерева. Посреди топчане стояла невысокая деревянная подставка, на которой стоял

чайник и несколько пиал. К навесу и направился Ануш вместе с Мадиной, чтобы разложить принесенные продукты.

В это время из дверей склада появился Хасан в сопровождении высокого худого афганца. Увидев его, Ануш сразу узнал того самого высокого худого охранника, который привез их из лагеря беженцев к границе, а потом руководил отправкой группы носильщиков. Он хорошо запомнил этот длинный нос, смуглую кожу и острую жидкую бороду, хотя видел его всего лишь пару раз.

Джамил, а именно так звали худого охранника, был главным помощником Абдуззакира, правой руки Шер Мухаммада. Он приехал на склад около сорока минут назад по заданию своего командира, чтобы лично убедиться о готовности склада для привоза большой партии опиума и героина. Хасан, начальник склада встретил его приветливо и провел по всему складу, показав то место, где должен был храниться ценный груз.

Этот Хасан ему не очень нравился, слишком уж умный и интеллигентный. Сам то Джамил нигде не учился, с трудом мог читать и писать, зато, также, как и многие местные мужчины, к своим сорока годам прошел суровую школу жизни, даже немного поучаствовал в войне с шурави, и научился отменно стрелять и владеть ножом. Несмотря на свою малограмотность его нельзя было назвать глупым человеком, но и особым умом он тоже не отличался. Зато у него было два качества, которые позволили ему стать главным помощником и доверенным лицом самого Абдуззакира – это верность и исполнительность, а еще он умел хранить язык за зубами. Все это стало залогом того, что он дожил до своих лет и даже имел кое-какое имущество в виде неплохого домика в родном кишлаке, двух жен и шестерых детей.

– Таким образом, уважаемый Джамил, – заканчивал свою речь Хасан, – вы можете увидеть, что все готово к приему груза уважаемого Шер Мухаммада хоть сейчас.

– Как я уже сказал, уважаемый Хасан, – ответил ему Джамил, – груз пребудет через три дня. Еще через два дня его заберут.

– Всю партию? – удивился Хасан. – Она же такая большая.

– Да, – кивнул Джамил, – всю партию. Часть пойдет за реку, а часть мы отдадим нашим друзьям, чтобы они переправили ее в Иран.

– Как скажете, – склонил голову Хасан.

– Ну, мне пора, – сказал худой охранник

– Может останетесь пообедать? – осведомился Хасан.

– Нет, благодарю вас уважаемый Хасан, но надо возвращаться чтобы доложить обо всем Абдуззакиру. Он не любит ждать, – ответил отказом Джамил

– Да поможет вам в дороге Аллах, – ответил ему Хасан.

Джамил уже собирался уходить, и напоследок окинул взглядом всю территорию склада. Его глаза остановились на хрупкой девичьей фигуре, раскладывающей на топчане лепешки и еще какую-то еду. Девушке было на вид лет тринадцать, но в ней уже началось формирование женской фигуры, что было видно даже под строгим национальным одеянием. Ее движения были изящны и походили на танец, а большие глаза были видны даже с расстояния, как звонкий голосок, словно ручей был слышен за несколько метров. Рядом с девочкой стоял невысокий юноша лет четырнадцати в национальном афганском костюме и с пакулем на голове и о чем-то с ней беседовал.

– Это кто? – коротко спросил Джамил, указав кивком головы на подростков.

– Это дочь уважаемого доктора Файзали и ее брат, – ответил Хасан. – Сейчас семья доктора Файзали живет у нас. Они наши родственники. Эта девочка приносит еду, а мальчик помогает мне на складе.

– Я что-то слышал об этом. Кажется, этот тот доктор, который помог вылечить семью Шер Мухаммада, а потом лечил нашего раненого друга, который вернулся с той стороны. Они беженцы из Таджикистана, по-моему, – как будто говоря сам с собой, произнес Джамил.

Хасан кивнул, хотя и не понял, с ним ли сейчас говорил его гость или сам с собой.

– А сколько им лет и как их зовут? – поинтересовался Джамил.

– Мальчика зовут Анушервон, ему четырнадцать лет. А девочку зовут Мадина, ей недавно исполнилось тринадцать лет, – ответил Хасан.

Не отрывая глаз от девочки, Джамил на секунду задумался и произнес:

– Пожалуй, я приму ваше приглашение, уважаемый Хасан и останусь пообедать. С утра ничего не ел, – улыбнулся он обнажив крупные, кое-где с гнильцой желтые зубы.

Хасану это очень не понравилось, особенно то, как он смотрел на Мадину. Но законы гостеприимства требовали посадить гостя за стол. Приглашение не может быть взято назад. Пропуская гостя вперед, Хасан направился к навесу.

Увидев приближающегося к ним Хасана и высокого худого гостя, Мадина быстро закончила «накрывать на стол» и поспешила отойти. Ей нужно было подождать пока поест Хасан и забрать деревянное блюдо в котором она принесла обед. Ануш тоже поспешил затеряться где-нибудь поблизости, чтобы не мешать разговору Хасана и гостя.

Оба мужчины уселись на топчан и, прочитав короткую молитву, принялись кушать плов, заедая его лепешками и запивая чаем. Ели молча, но Джамил то и дело бросал короткие взгляды на Мадину. Хасан замечал это и постоянно хмурился у него внутри зрело чувство необъяснимой тревоги. Но сказать ничего не мог. Не мог же он запретить Джамилу смотреть, куда тому вздумается, тем более, что пока еще никакие правила приличия нарушены не были, а поспешность в обвинениях могла привести к скандалу и потасовке, в которой Джамил бы не применил воспользоваться висящими в кобуре у него подмышками пистолетами. В округе была хорошо известна вспыльчивость Джамила.

Обед закончился. Еще раз возблагодарив Всевышнего, мужчины встали с топчана и направились к машинам. На секунду Хасану показалось, что закравшаяся в его сердце тревога была беспочвенной.

Мадина направилась к топчану, чтобы убрать посуду. Но поравнявшись с мужчинами, она вдруг услышала голос высокого худого афганца:

– Это ты приготовила плов?

Девочка на секунду растерялась. Она никак не ожидала, что мужчина заговорит с ней.

– Я помогала, – тихо сказала она, опустив глаза.

– Ааа, я так и подумал, что какая-то пери приложила руку к дивному вкусу этого блюда, – улыбнулся девочке Джамил.

– Уважаемый, вы куда-то спешили, – пожирая гневным взглядом Джамила, но соблюдая вежливый тон сказал Хасан. Он пригласил охранника жестом проследовать к машинам.

Не обращая никакого внимания на Хасана, Джамил засунул руку себе в карман и вынул оттуда нить мелкого белоснежного речного жемчуга. Эти жемчужные бусы он купил в подарок своей младшей жене, но теперь они понадобились ему для исполнения своего другого плана.

– Вот, – протянул он жемчуг Мадине, – возьми эти бусы. Это тебе подарок от Джамила за вкусный обед.

– Нет, уважаемый, спасибо, но я не могу их взять, – так же не смотря в глаза мужчине сказала Мадина.

– Не бойся, – настаивал Джамил, – возьми.

С этими словами он взял ладонь девочки и положил в нее жемчужную нить. Девочка стояла как вкопанная от полной растерянности. Ей почему-то был очень неприятен этот человек, и ей до смерти не хотелось брать этот подарок. Она чувствовала на себе его взгляд, и ей казалось, что он хочет посмотреть сквозь ее платье. Мадине было жутко не по себе.

Хасан положил руку на плече Джамилу и уже с нескрываемыми нотками негодования в голосе сказал:

– Что вы делаете, уважаемый Джамил?

– Я? Делаю подарок девочке, – покосился на руку у себя на плече афганец.

Воспользовавшись тем, что внимание Джамилы переключилось, Мадина прошмыгнула мимо него и быстро направилась прочь.

Джамил заметил это и громко рассмеялся.

– Какая пугливая, – хохоча, произнес он. – Мне нравится.

– Вам пора, уважаемы Джамил, – повторил Хасан.

– Да-да, конечно, уважаемый Хасан, – посмотрел сверху вниз на начальника склада Джамил и направился к машине.

Хасан с облегчением выдохнул.

– Ах, да, уважаемый Хасан, – сделав несколько шагов, внезапно обернулся к нему Джамил. – Не могли ли вы поговорить с отцом девочки на счет ее свадьбы. Я хочу взять ее себе в жены. Точнее третьей женой.

Хасана как будто облили холодной водой. Эти слова привели его в ярость. Девочка годилась Джамилу в дочери. И хотя довольно часто в Афганистане встречались неравные по возрасту браки, но сам Хасан, как образованный человек, был против них, а во-вторых, Джамил был не тем человеком, за которого стоило отдавать за муж красавицу Мадину. Не раз он сам хвастался, как время от времени поколачивает своих жен за нерадивость.

– Я не стану этого делать, – жестко ответил Хасан. – Девочке нет и четырнадцати. Зачем ей жизнь портить? Тем более она не местная, завтра или послезавтра уедет к себе на родину. Зачем тебе она, Джамил?

– Я хочу ее, вот и все, – продолжал улыбаться Джамил. – Подумай Хасан, помочь мне в твоих же интересах. Ты скоро это поймешь. Потом не говори, что я тебя не предупреждал.

– Я все сказал, – ответил Хасан.

Джамил направился к машине, что-то напевая вслух, сел в нее и вскоре черный джип поднимая клубы пыли умчался со склада.

Ануш, сидел неподалеку на скамейке и все слышал. Он кипел от гнева и сжимал кулаки. Ему очень не понравилось, как вел себя этот худой Джамил с Мадinou и как говорил про нее. Мальчик поклялся себе, что если Джамил хоть приблизится к Мадине, он его убьет.

***

На улице уже смеркалось. Несмотря на наступившую весну, по вечерам воздух все еще был холодным. В деревянной беседке, украшенной искусной резьбой беседовали двое мужчин. Одни сидел на большом деревянном кресле, с не менее затейливой резьбой чем беседка, а другой стоял напротив него, немного склонившись вперед, в знак признания своего подчиненного положения первому мужчине.

– Значит через три дня, – вздохнув, сказал первый.

– Да, господин, – кивнул второй.

– И ты все подготовил, как я сказал?

– Да, господин.

– А что люди Шер Мухаммада?

– Ничего, господин. Они ждут груз. Некоторые хотят быть с нами.

– Но не все.

– Нет. С некоторыми еще не говорили, с некоторыми говорить бесполезно.

Мужчина, сидящий в кресле, на несколько секунд призадумался.

– Пусть те, с кем не говорили, разберутся с теми, с кем говорить бесполезно, или наоборот – наконец произнес он. – Ты понимаешь меня?

– Да, господин. И я даже знаю с чего начать, – с готовностью кивнул второй.

– Скоро в этих горах будет все по-новому, – произнес первый. – Вот понюхай воздух, чувствуешь?

Второй мужчина глубоко вдохнул и сказал:

– Мне кажется, пахнет кровью.

– Ну, или так. На все воля Аллаха, – пожал плечами первый.

Сватовство

– Об этом не может быть и речи! – в ярости закричал Файзали.

В тот же день, когда на складе состоялся разговор между Хасаном и Джамилем по поводу выдачи замуж Мадины, вечером сын Кори пересказал все Файзали и своему отцу. Естественно, просьба Джамила даже в таком интеллигентном и спокойном человеке, как Файзали вызвала бурю гнева и возмущения.

– Мы немедленно собираемся и уезжаем, – Файзали был настроен решительно. Он очень хотел уберечь свою семью от неприятностей, которые только-только появились на горизонте.

– Успокойся Файзали, – пытался утихомирить доктора Кори. – Не делай поспешных выводов и необдуманных поступков. Воистину, спешка от шайтана, а неторопливость и осмотрительность от Аллаха.

– Я не хочу, чтобы к моей маленькой дочке лез какой-то старый извращенец, – ответил Файзали. – Тем более вы говорите, что он какой-то там высокопоставленный бандит. А вдруг он что-то задумает с ней сделать?! О, Аллах, я даже думать об этом не хочу!

Файзали метался по комнате как загнанный зверь.

– Послушай, брат, – вновь обратился к нему Кори, – Если отец скажет «нет», никто девочку неволить не будет. В противном случае это будет нарушение не только законов Ислама, но и местных традиций. И тогда ни одного человека не спасет его звание и положение. Тем более девочка живет в моем доме, а тут она в наибольшей безопасности. Никто тут ее тронуть не посмеет. А в случае, если хоть маленькая тень от тучки опасности появится в небе, я лично пойду к командиру Шер Мухаммаду и поговорю с ним. А вот он то найдет способ урезонить, этого сына иблиса Джамила.

Файзали остановился, кажется, он начал немного остывать.

– Подумай сам, – спокойно продолжал Кори, – ты только начал тут обживать. У тебя уже есть уважение среди местных жителей. Ты уже даже заработал немного денег. Я понимаю, что ты беспокоишься за семью, и вы хотите вернуться домой. Но погоди немного. Я тебе уже говорил, что некоторые беженцы возвращаются из Афганистана в Таджикистан. Но это происходит там, на равнинах. И возвращаются они в районы, в которых у вас закончилась война. А в том районе, где жил ты, война продолжается. Куда ты вернешься? Тем более, что из того лагеря беженцев, в котором были вы, еще никто никуда не ушел. Уехать успеется всегда. Ну даже если ты вернешься, без денег, в разрушенный дом. Что делать будешь? Останься еще на немного. Подзаработай и вернешься домой хоть с какими-нибудь деньгами. А то и машину купишь тут и сам поедешь к себе домой, – под конец улыбнулся Кори.

Файзали уже сидел на полу. Он понимал, что Кори прав. Сейчас наиболее активные боевые действия переместились в предгорную часть Таджикистана к востоку от столицы и его родные края как раз были на линии фронта. Также он согласен был с Кори в том, что если они сейчас поедут обратно, то окажутся без денег и защиты на линии огня между противоборствующими сторонами. А в доме у Кори Карима, по крайней мере, они находились в тепле и сытости. Кори был прав и в том, что работа в больнице помимо уважения приносила относительно неплохой доход, заключавшийся не только в получении денег, но и некоторые люди, в уплату за услуги врача, приносили серебрянные, и иногда, золотые украшения с полудрагоценными и, редко, с драгоценными камнями, продукты и т. д. Конечно, Файзали частенько помогал людям бесплатно, если видел действительно нуждавшегося пациента. Но от состоятельных больных и их семей он, естественно, плату брал.

– Но все же я боюсь за Мадину, – уже спокойным голосом сказал Файзали.

– Начнем с того, что девочка больше не будет носить еду Хасану, – старик погладил бороду. – К сожалению жена, дочь и сын Хасана, сейчас поехали погостить к ее родителям

в другое селение, но моя младшая дочь Ситора сможет носить ему еду. А Мадине и по дому дела найдутся. Теперь ты, Хасан, – обратился Кори к сидящему рядом сыну, – если Джамил снова заведет разговор о женитьбе, скажи, что отец девочки против, а Кори Карим не благословит их брак. Понял?

– Хорошо, отец, – кивнул Хасан.

Сразу почувствовалось, как атмосфера в комнате разрядилась. Файзали с облегчением выдохнул. Кори сразу заметил перемену эмоций и улыбнувшись сказал:

– А теперь, Хасан, пойди и скажи, чтобы нам принесли чаю.

Хасан с готовностью выполнил просьбу отца.

Следующие пару дней прошли в некоторой нервозности, которая стала спадать лишь к концу второго дня. От Джамила не поступало никаких вестей. И все родственники, имеющие отношение к Мадине, стали понемногу успокаиваться.

Ануш продолжал свои занятия и каждый день ходил в медресе и на молитву. На молитве, теперь, он часто видел того одноглазого бородача, который стал причиной резкого прекращения занятий у Кори несколько дней назад. Бородач, когда он приходил на молитву в мечеть Кори Карима, молился со всеми вместе, но и как бы отдельно ото всех. Хотя в мечети было много людей, особенно во время вечерней молитвы, вокруг одноглазого всегда было пустое место. Это происходило не из-за того, что люди боялись его, а наоборот, они давали ему больше простора и старались не вторгаться в его личное пространство, демонстрируя к нему уважение. С ним всегда вежливо здоровались, но старались не докучать. Однако смотреть ему в глаза или долго находиться под его взглядом все равно решались немногие.

Одноглазый бородач, которого, как выяснил Ануш, звали Али, никак не реагировал на это. Со всеми он был одинаково сдержан и почтителен. После молитвы он, обычно, недолго беседовал с Кори и куда-то уходил.

Однажды, когда Ануш помогал старому мулле убираться в медресе, он спросил старика об Али:

– Дядя Кори, можно у вас спросить?

– Спрашивай, сынок.

– А кто тот одноглазый человек, который ходит к нам на молитву?

Кори глубоко вздохнул, помолчал, но ответил:

– Это Али. Он араб. У нас в этом кишлаке и двух соседних, живет несколько семей арабской национальности. Вообще в Афганистане много арабов. Так вот, он один из них. Когда-то он был моим учеником и ходил на занятия в мое медресе. Я помню только организовал его после того как отремонтировал эту мечеть. Это было так давно, – погрузился в воспоминания старик. – Он был одним из моих лучших учеников. Он очень любил ислам и знал наизусть многие суры из священного Корана. Когда он подрос, был чуть старше чем ты, он решил учиться на мусульманского священника. Его семья, скопив деньги, отправила его учиться в одно из духовных учебных заведений в арабских странах...

Старик снова замолчал.

– А дальше? – спросил Ануш.

– А дальше, он вернулся через несколько лет. Но это уже был не тот веселый и жизнерадостный мальчик, которого я знал, – глаза Кори погрузнели. – Это был другой человек. В его глазах был огонь. Нехороший огонь. По возвращению он практически сразу стал проповедовать, но это был не ислам милости Аллаха, это был ислам войны на пути Аллаха. Он призывал людей к войне против неверных, шурави. Он многих молодых людей смутил тогда своими речами. И тогда они взяли в руки оружие и ушли воевать вместе с ним. Али повел их. Он, как оказалось потом, помимо молитв и проповедей, хорошо знал, как стрелять, как взрывать, как устраивать засады. Потом война кончилась. Шурави ушли. А огонь в глазах Али не погас. Его сердце жаждало битв. Он был одержим идеей построить государство чистого ислама во всем

мире. И тогда он снова уехал. Ходили слухи, что он воевал где-то на Ближнем Востоке. Входил в какие-то мусульманские боевые организации. Но все это было на уровне слухов. Появлялся тут он редко.

– А зачем он приехал сейчас? – спросил Ануш.

– Я не знаю, – покачал головой старик. – А почему вон там пыль осталась? – резко он поменял тему разговора. – Подмети пол там.

Ануш понял, что старик что-то скрывает, но расспрашивать дальше не стал. Он послушно пошел мести мусор.

***

Приемка привезенного груза шла полным ходом. Во дворе склада стоял большой грузовик, заполненный тяжелыми мешками. Несколько грузчиков вытаскивали из машины мешки и ставили их рядом со складом. Еще двое человек вскрывали их и доставали оттуда квадратные, не больше 3—4 килограмм, запечатанные белые полиэтиленовые пакеты с нанесенными на печатями. Пакеты клали на находившиеся тут же большие весы. Стоявший у весов человек, громко объявлял точный вес каждого пакета. В ту же секунду мальчик (а это был Ануш), сидевший за столом рядом с весами, записывал соответствующее значение в большую амбарную книгу. Далее пакет передавался еще следующему работнику склада и тот клал его в другой большой мешок. Когда мешок наполнялся, его зашивали, ставили печать и уносили на склад.

За всем происходящим наблюдали шесть человек, Хасан, как начальник склада, Джамил, как обеспечивающий безопасность доставки и разгрузки груза со стороны Абдуззакира, еще один личный представитель Шер Мухаммада, маленький толстый бородатый пакистанец, как представитель «поставщика» и «продавца», начальник отряда самообороны селения Дарахтисеб, подчинявшийся Абдуззакиру и также предоставивший людей для охраны и еще один бледный худой человек чуть старше двадцати пяти лет с пожелтевшими белками глаз, смотревших потухшим взглядом, через наполовину прикрытые веки.

Это была особая личность. Его звали Пудар. Вернее, это была его кличка, означающая «порошок». Может у него и было какое-то имя, но его никто не знал. Пудар был наркоманом со стажем, но не простым торчком из подворотни. Он был профессиональный «дегустатор» наркотиков. В его задачу входило определение насколько принимаемый «товар» чист и качественен. И в этом деле Пудару не было равных. «Попробовав» наркотик он мог определить не только его качество, но и сколько процентов опиума использовалось для его изготовления, а также чуть ли не в чьей лаборатории и по какой технологии он был изготовлен.

Время от времени Хасан или представитель Шер Мухаммада брали один из разгружаемых пакетов наугад, делали в нем аккуратный надрез и вынув оттуда щепотку белого порошка, давали на пробу Пудару. Тот с готовностью «испытывал» товар и делал свое экспертное заключение. Затем пакет аккуратно заклеивали, передавали дальше на склад. Подобная процедура требовалась для того, чтобы убедиться, что все привезенные наркотики являются из одной партии и имеют одинаковое качество.

Так случилось и сейчас. «Попробовав» переданную дозу героина Пудар на секунду закатил глаза, пришел в себя и медленно произнес:

– Хорошее качество. Один и тот же товар.

Хасан удовлетворенно кивнул. Он вертел в руках белый полиэтиленовый пакет с тремя с половиной килограммами героина на котором красовалась большая печать с изображением цветка, льва и тремя девятками. Всегда в такие минуты Хасан вспоминал, как хотел быть инженером, когда заканчивал давным-давно политехнический институт в Кабуле. Сколько же прошло времени, и как все обернулось.

– Не смотри таким грустным взглядом на этот пакет, – похлопал Хасана по плечу представитель Шер Мухаммада. – Скоро у нас будет своя лаборатория, и мы сами будем делать героин. Говорят, Абдуззакир уже нашел химика. Значит, скоро этот бизнес будет и у нас. И мы сами будем ставить печати на свой товар, – шепча на ухо Хасану, чтобы не услышал пакистанец, сказал он.

Хасан посмотрел в улыбающиеся глаза своего «коллеги» покачал головой и отдал пакет своему помощнику.

Разгрузка прошла без каких-либо происшествий. Все шло по плану и через несколько часов весь полученный товар был взвешен, учтен, заново упакован и помещен на склад.

Прибывшие следить за процессом люди Шер Мухаммада и представитель продавца начали собираться в обратный путь. Все это время Хасан старался не замечать Джамилу, хотя тот постоянно находился рядом. В свою очередь и Джамил также не предпринимал попыток, как-либо обратить на себя внимание Хасана. Худой афганец внимательно следил за приемкой наркотика и одновременно контролировал охрану всего периметра склада, связываясь со своими людьми по рации, получая от них короткие отчеты и время от времени раздавая нехитрые указания. В некоторый момент Хасану показалось, что происшедшее в прошлый раз было каким-то жутким недоразумением и теперь все обойдется. Мысленно поблагодарив Всевышнего, что все прошло удачно, Хасан направился провожать гостей.

– Уважаемый Хасан, вас можно на минуточку, – вдруг он услышал за спиной голос Джамилу.

Хасан напрягся. Значит, ничего не прошло просто так и теперь надо будет дать категоричный ответ. Хасан извинился перед людьми, которых он провожал и направился к Джамилу.

– Я слушаю вас, уважаемый Джамил.

– Уважаемый Хасан, я сначала хотел перед вами извиниться за прошлый разговор, – неожиданно для Хасана спокойным голосом начал Джамил.

– Вы были чересчур грубы, – также спокойно ответил ему Хасан. Но какое-то внутренне чувство ему подсказывало, что это еще не конец и этот дружелюбный тон Джамилу имеет под собой двойное дно.

– Я понимаю и искренне приношу свои извинения. Давайте забудем наши разногласия.

– Хорошо, уважаемый Джамил, так и поступим, – согласился Хасан.

– В таком случае, я заеду сегодня вечером к вам домой и еще раз принесу свои извинения.

– Не стоит этого делать, уважаемый Джамил, – сразу понял весь подвох ситуации Хасан.

Его настроение сразу ухудшилось – Ваши извинения приняты.

– Не беспокойтесь ни о чем. Я заеду после вечерней молитвы, – казалось не слыша слов Хасана продолжал Джамил.

– Я же сказал, что это лишнее, – более настойчиво сказал Хасан.

Ничего не ответив, Джамил отошел на пару шагов от Хасана и громко сказал:

– Уважаемый Хасан, совсем забыл вам передать. На днях, завтра или послезавтра к вам на склад с проверкой приедет господин Абдуззакир.

Эти слова удивила Хасана. Во-первых, ему показалось, что они были произнесены так, чтобы это слышали все. А во-вторых, Шер Мухаммад доверял ему. Конечно, проверки склада были, но они были редкими, а последняя прошла два месяца назад, и вот эта проверка была уже совсем неожиданной, тем более от Абдуззакира. Такого высокого ранга люди сами проверки не проводили. Но, слава Аллаху, у него все было в порядке и с документацией, и с наличием вещей на складе. Завтра с утра он еще раз все проверит сам и тогда, пусть проверяют.

– Хорошо, уважаемый Джамил, – пожав плечами ответил Хасан. Он хотел еще раз сказать, что приезжать вечером не стоит, но Джамил сел в машину и уехал вместе со всеми остальными людьми Шер Мухаммада.

Хасан проводил кортеж из внедорожников долгим взглядом.

– Дядя Хасан, что произошло? Почему вы такой хмурый? – спросил у стоявшего с мрачным выражением лица Хасана, подошедший Ануш.

– Ничего страшного, Ануш, – посмотрел на мальчика Хасан, – Сейчас я закрою склад, разберемся с записями и поедем домой.

С записями и складом разобрались быстро. Всю необходимую документацию Хасан сложил в свой сейф. Ануш ждал снаружи у окна в кабинет Хасана. Решив посмотреть, скоро ли выйдет сын Кори, мальчик посмотрел в окно и увидел, как Хасан вытащил из своего сейфа черный пистолет, засунул его себе за пазуху куртки. Это насторожило Ануша. Он обратил внимание, что Хасан перекинулся парой фраз с Джамилем. О чем они разговаривали мальчик не слышал, но судя по тому как мрачнело лицо Хасана разговор был не из приятных. И вот теперь пистолет.

Хасан наконец-то вышел, и они с Анушем сели в его машину.

– Дядя Хасан, а что вам сказал Джамил? Он опять говорил про Мадину? – решившись спросил Ануш.

– Нет, – отрицательно покачал головой Хасан, – он сказал, что приедет вечером просить извинения за свое поведение.

Вот это уже насторожило мальчика. Про пистолет он спрашивать не стал. И так стало понятно зачем он вдруг извинения затянутся и приобретут характер более агрессивный. Но он почувствовал, что Хасану было страшно.

Машина тронулась и они поехали в селение. Вечер обещал быть тяжелым.

***

Вскоре после вечерней молитвы к дому Кори Карима подъехал большой черный внедорожник. Машина медленно въехала в распахнутые ворота во внутренний двор и остановилась. Из автомобиля вышел Джамил. На пороге его уже встречал сам Кори. Джамил, одетый в новенькую национальную одежду, демонстративно снял со спины сбрую с двумя пистолетами и положил ее на сидение машины. Он открыл заднюю дверь и достал небольшой сверток. Гость подошел к Кори и вежливо поприветствовал его, услышав ответное приветствие и получив приглашение войти, Джамил переступил порог дома.

Гостя провели в комнату где уже собрались Файзали, Хасан и Хусейн. Учтиво поздоровавшись со всеми Джамил сел на то место, которое ему предложили. Хотя все были очень вежливы друг с другом, но атмосфера в комнате царилла напряженная. Джамил чувствовал на себе суровые взгляды Файзали и Хасана. Да и любезное поведение Кори напоминало наждачную бумагу, трущую по сухому дереву.

В комнату вошел Ануш. Он занес большой чайник чая и поставил его на накрытый на полу достархан. То, что за достарханом прислуживает мальчик, а не женщины, также предвещало тяжелый разговор. Ануш, выполнив данное ему поручение, уселся в углу и стал тихо наблюдать за происходящим.

– Как доехали, уважаемый Джамил? – первым нарушил молчание Кори. – Все ли было в порядке на дороге?

– Слава Аллаху, уважаемый Кори, – ответил Джамил. – Вы извините меня за такой неожиданный визит, я не задержу вас, уважаемые, – продолжал он обращаясь ко всем присутствующим. – Во-первых, уважаемый Хасан, я хотел бы еще раз принести свои извинения за возникшее между нами непонимание и если я чем-то вас обидел.

– Я уже говорил вам, уважаемый Джамил, что извинения приняты, – ответил ему Хасан.

– Хорошо, я понял, – говорил далее Джамил. – Ну а во-вторых, я хотел бы обратиться к уважаемому доктору Файзали. Я пришел поговорить о свадьбе. Я хотел бы взять в жены вашу дочь Мадину. И я принес для нее и вас некоторые подарки.

С этими словами Джамил положил на достархан и развернул принесенный сверток. В нем оказались несколько пачек денег и пара золотых украшений.

– Это часть выкупа за невесту, – спокойно продолжал Джамил несмотря на все более краснеющее от гнева лицо Файзали, – Я думаю, что когда мы договоримся с вами о цене, я смогу полностью ее выплатить.

– Послушай, ты... – начал было подниматься со своего места Файзали, сжимая кулаки, но его остановила рука Кори.

– Уважаемый Джамил, – заговорил уже с более строгой интонацией в голосе Кори, – Я полагаю, что вам уже говорили, что отец девочки и все мы против этого предложения. Подобный подход к брачному союзу не входит в число обычаев народа, к которому принадлежит семья Мадины. А я, как духовное лицо, не благословляю этот брак.

Джамил на мгновение замолчал. Затем, посмотрев в глаза старика, он сказал:

– Уважаемый Кори, я очень рекомендую отцу девочки обдумать это предложение. Ведь от того примет он его или нет зависит будущее не только его семьи, но и вашей.

– Ты тут угрожаешь? – вскипел Файзали.

– Поймите правильно уважаемый Кори, я никого не пытаюсь запугать, я лишь только предупреждаю, – не обращая внимание на Файзали, говорил Джамил. – Я понимаю, что вас и уважаемого доктора, и уважаемого Хасана ценит сам командир Шер Мухаммад, но только один Аллах знает, что может произойти завтра или через час. И я думаю, что может настать момент, когда и семье уважаемого доктора, и даже вам, дорогой Кори может понадобится защита и поддержка. Уважаемый доктор, Хасан и мастер Хусейн хорошие, ученые люди, много знающие, но они не воины. Я же, в свою очередь, как правая рука командира Абдуззакира, могу обеспечить вам безопасность, а скоро, если на то будет воля Аллаха, я поднимусь еще выше. К тому же я не беден. А если уважаемому отцу мало того, что я принес, то прямо сейчас же, в знак своих намерений я готов увеличить сумму выкупа невесты вот этим.

С этими словами Джамил поднял ладонь и продемонстрировал присутствующим поблескивающий на пальце большой золотой перстень. Кольцо было великолепно. Его верхушка была украшена выполненным с помощью арабской вязи словом «Аллах» со светящимся небольшим красным рубиновым камнем. Ободки кольца были украшены аятами из священного Корана.

Искусно сделанный перстень привлек внимание всех присутствующих в комнате. В течение нескольких секунд мужчины невольно любовались красотой ювелирного изделия. Единственным в комнате, кто смотрел с волнением на руку Джамила, был Ануш. Он узнал этот перстень. Мальчик готов был поклясться своей жизнью, что это тот самый подарок, который покойному Саид Гулу сделал старый наркоторговец на той стороне реки. И случилось это в ту самую злополучную ночь, когда Ануш «работал» носильщиком у контрабандистов. Но как перстень оказался у Джамила?

– Мне не нужны твои подарки. Забери их все, – резко прервал мгновение молчания Файзали. – Я уже сказал, что не отдам тебе свою дочь.

– Смотри Файзали, – резко сменил вежливый тон на раздражительный Джамил, – видит Аллах, я хотел решить все миром и по-хорошему. Но ты был упрям как осел. Поэтому клянусь Всевышним Господом миров, чье имя написано на этом перстне, через несколько дней ты сам приведешь ко мне свою дочь, и она станет моей женой. Даже нет, я заберу ее себе как наложницу. И вы все будете благодарить меня за это, – тут Джамил зло заулыбался.

Файзали гневно взревел и кинулся на гостя. Одновременно с этим Хусейн быстро схватил доктора и пытался его удержать. Но Файзали продолжал вырываться, чтобы напасть на обидчика. У Джамила блеснуло лезвие ножа, который каким-то образом появился в его руке. Гость вскочил и готов был отразить атаку разъяренного отца девочки. Внезапно перед лицом Джамила возникло дуло пистолета. Хасан держал на вытянутой руке оружие в нескольких санти-

метрах от головы наглого «жениха». Это немного остудило пыл Джамила. Хусейн продолжал сдерживать попытки Файзали пойти в атаку.

– Вон из моего дома! – грозно вскричал Кори. – И забери свои нечестивые подарки, шакал! – он пнул ногой лежавший на достархане сверток с деньгами и украшениями.

Не сводя глаз с хозяев дома, Джамил убрал нож, наклонился и поднял принесенные им дары. Он стал медленно отходить к выходу из комнаты. Дуло пистолета сопровождало все его передвижения.

– Мы скоро закончим разговор, – бросил перед уходом Джамил и покинул дом.

Через пару мгновений все услышали звуки отъезжающей машины.

Накал страстей в атмосфере дома немного спал. Хусейн отпустил Файзали, и тот, немного успокоившись, сидел, опустив голову и сверля полным гнева взглядом пол.

– Что будем делать? – спросил Хусейн.

– Я завтра же поеду к командиру Шер Мухаммаду и расскажу ему все, – ответил Кори.

– Дядя Кори, я тут хотел сказать... – прозвучал из угла голос Ануша.

– Не сейчас, мальчик, – резко прервал его Кори. – иди спать. Нам всем пора спать. Утром Аллах укажет нам путь...

Мальчик притих, не смея противоречить мулле. Находящиеся в комнате мужчины стали расходиться. Файзали пошел поговорить с женой, Ануш и Кори пошли спать, а Хасан и Хусейн направились к себе по домам.

***

Неожиданно посреди ночи во дворе залаяла собака. Лаяла она не прекращая. В перерывах между гавканьем слышался сильный стук в небольшие деревянные ворота, ведущие во двор дома. Хасан проснулся и вслушался в темноту. Да, ему не послышалось, кто-то активно барабанил по воротам. Жена и дети еще не вернулись из поездки, поэтому дома Хасан был один. Мужчина оделся, взял в одну руку фонарь, а в другую пистолет, и вышел во двор. Подойдя к воротам он произнес:

– Кто там?

– Это я, Хабибулло, – послышался голос на той стороне. Хабибулло был одним из охранников склада на котором работал Хасан. – Уважаемый Хасан, быстрее, там склад горит, – дрожащим голосом произнес охранник.

– Как горит?! – спросонья переспросил Хасан.

– Так вот, горит. Другие охранники остались там и тушат пожар, а я поехал на мотоцикле за вами.

– Хорошо, – окончательно проснулся Хасан, – езжай обратно, помоги им, я сейчас приеду.

– Хорошо, – отозвался охранник, – я поехал.

Хасан был встревожен не на шутку. Воистину, беда никогда не приходит одна. Он быстро собрался, вскочил в свою машину и на всех парах помчался на помощь своим охранникам. Хасана сразу удивило то, что уже подъезжая к складу он не увидел никакого зарева или признаков пожара. Он остановил машину у ворот и вышел. Воздух был полон ночной прохладой и свеж. В нем не чувствовалось даже намека на гарь.

Не понимая что происходит, Хасан, подсвечивая себе дорогу фонарем, вошел в складские ворота. Во дворе стояло пара больших машин-внедорожников с грузовыми кузовами. Свет фар от машин был направлен непосредственно на вход на склад. Из склада появлялись какие-то люди с мешками в руках, которые загружали их в стоящие рядом внедорожники.

– Вы что делаете?! – громко обратился он к людям.

Те замерли и посмотрели на Хасана.

– Ох, рановато вы приехали, Хасан, – послышался за спиной голос Хабибулло, – мы не успевали.

Хасан хотел повернуться, но получил резкий удар чем-то тяжелым по голове. Начальник склада провалился в темноту забытья.

Сознание постепенно возвращалось, но боль в голове была адской. Приложив не дюжие усилия Хасану удалось открыт глаза. Он распластался на земле, а прямо перед ним полыхало здание склада. Хасан попытался пошевелить рукой или ногой. Ему удалось сделать и то и другое. Собрав все силы мужчина предпринял попытку подняться, но тут раздался оглушительный взрыв. Склад моментально взлетел на воздух, прилегающую территорию забросало огромное множество горящих частей конструкции. Хасана отшвырнуло взрывной волной на несколько метров. Снова свет вокруг него померк, а маленький огонек сознания угас.

Хасан

В ранний рассветный час Шер Мухаммад стоял и хмуро смотрел на обугленные остатки от своего склада, крепко сжимая четки в кулаке. По всему двору валялись черные обломки обгоревшей и разлетевшейся конструкции. Вокруг суетились его люди: кто-то продолжал тушить дымившийся остов здания, закидывая его песком и заливая водой из ближайшего ручья, другие пытались сдерживать набежавшую из селения толпу зевак из числа местных жителей, которые спозаранку примчались на место происшествия, чтобы своими глазами увидеть что-нибудь интересное.

Немного в стороне стоял Абдуззакир и начальник отряда местной самообороны по имени Аброр, они разговаривали с охранниками склада, которые дежурили в эту ночь. Под навесом суетился доктор-таджик, пытавшийся привести в чувства тело Хасана, лежавшее на топчане.

Глядя на дымящиеся развалины склада, Шер Мухаммад думал о том, что что-то шло не так последнее время. Вот уже на протяжении полугода его преследовали несчастья, как будто Аллах реши покарать его за что-то. Сначала, шесть месяцев назад, внезапно в аварии разбился его лучший проводник и организатор маршрута контрабанды через пакистанскую границу. Это привело к тому, что была сорвана крупная поставка товара от его друзей из Пакистана. Потом под камнепадом на горной дороге гибнет целый караван из шести машин с оружием, которые он намеревался продать таджикской вооруженной оппозиции. Далее, это несчастное нападение пограничников на Саид Гула, его смерть и пропажа солидной суммы денег, которую теперь не вернешь. Благо, что хоть со стариком-наркоторговцем с таджикской стороны отношения остались хорошие. И теперь вот это. Всеми этими вопросами занимался Абдуззакир, и, вроде бы, постоянно находилась причина случившегося: плохая погода на дороге, когда разбился его проводник, неожиданный камнепад, пограничники. А что будет теперь? Но главное, что все эти происшествия приводили к потере денег, доверия и авторитета к Шер Мухаммаду со стороны его партнеров и к пристальным взорам со стороны его конкурентов, которые видели в этом признаки слабости приграничного полевого командира. И вскоре может настать момент, когда кто-нибудь попытается его сместить.

Внутреннее чувство и приобретенные за долгую жизнь инстинкты подсказывали Шер Мухаммаду, что за всеми этими происшествиями стоит чья-то невидимая рука. Но чья? Неужели действительно Всевышний карает его, или это происки Шайтана? А может он действительно стар и настолько разжирел в своем сердце, что уже теряет хватку? Или в его окружении завелся шакал-предатель? В таком случае, кому можно доверять?

Старый командир решил хорошенько подумать над этим всем и теперь быть действительно осторожным. Поскольку невидимый враг, кто бы он ни был человек или шайтан, этим поступком действительно обнаглел и, демонстрируя свою силу, показывает всем бессилие Шер Мухаммада.

– Господин командир, – вывел из раздумий Шер Мухаммада голос подошедшего Абдуззакира.

– Говори, Абдуззакир, – продолжая смотреть вперед произнес Шер Мухаммад.

– Я опросил охрану склада, – начал доклад правая рука командира. – Предварительные результаты такие. Охранники говорят, что вчера ночью на склад приехал Хасан. Они его впустили. Он зашел на склад, что-то делал там. Потом они заметили пламя. Затем из склада выбежал Хасан и раздался взрыв.

– И все? – также не поворачиваясь к Абдуззакиру спросил старый командир.

– Пока да, – ответил ему тот. – Но я намерен забрать всех свидетелей в город и там разобраться поточнее. И еще, я осмелился осмотреть машину Хасана.

– И каковы результаты?

– Ничего подозрительного там нет.

– Хорошо, – кивнул в знак одобрения Шер Мухаммад. – Что показал осмотр склада?

– Сразу видно, что внутри что-то взорвалось. Но к тому же склад еще и горел. Как такое получилось, пока также не знаю. Возможно на складе хранили взрывчатку. Но это категорически запрещено. Этот склад мы не использовали для хранения боеприпасов.

– Товар сгорел? – продолжал задавать вопросы Шер Мухаммад.

– К сожалению, да, – подтвердил Абдуззакир. – Почти все, что хранилось на складе уничтожено. Даже следов не осталось, только пепел.

– А что говорит начальник местной самообороны? Он ведь тоже давал людей на охрану склада и он отвечает за порядок тут?

– Склад, в основном охранялся нашими людьми. Силы местной самообороны невелики и их хватает, чтобы смотреть за селением, и дорогой проходящей мимо. В эту ночь никто из его людей не дежурил на складе. А те, кто стояли на блокпостах на дороге ведущий в Шахрак и в другую сторону, говорят, что ничего не видели.

Шер Мухаммад был зол. Мысли о количестве потерянных денег в результате уничтожения всей купленной партии наркотиков, другие издержки, включая репутационные, а также собственное бессилие в данной ситуации приводили Шер Мухаммада в ярость. Однако старый полевой командир ни одним мускулом на лице не выдал своих чувств. Он понимал, что, чтобы разобраться в ситуации и найти врага, кем бы он ни был, необходимо убрать эмоции и положиться на холодный расчет.

– Что с Хасаном? – тем же ровным голосом спросил он.

– Я сейчас позову доктора таджика и он все расскажет, – с этими словам Абдуззакир кликнул Файзали.

Файзали, оставив бездыханное тело Хасана на попечение одного из охранников, направился к стоящим Шер Мухаммаду и Абдуззакиру.

– Приветствую вас, уважаемый господин командир, и вас, уважаемый Абдуззакир, – поприветствовал их Файзали.

– Как состояние Хасана? – на этот раз повернувшись лицом к доктору спросил Шер Мухаммад.

– У него черепно-мозговая травма, – отвечал доктор, которого ни свет, ни заря вытащили из дома люди Абдуззакира и привезли на склад, где он находился вот уже третий час. – То есть он сильно ударился головой...

– Сам ударился или его ударили? – перебил его вопросом Шер Мухаммад.

– Не могу точно сказать. Я не имею таких знаний, чтобы ответить сам или не сам, – честно ответил доктор. – Он едва жив и находится без сознания.

– И сколько ему так находиться? – поинтересовался полевой командир.

– Один Аллах знает. Я сделал все, что было в моих силах. Надо ждать. Я прошу разрешения перевезти Хасана в дом Кори, чтобы я мог за ним наблюдать и осуществлять уход, – попросил доктор.

– Хорошо. Делай, что нужно, – кивнул Шер Мухаммад.

«Господин командир!» – раздался внезапно громкий голос. Шер Мухаммад обернулся. К нему со всех ног бежал один из охранников в оцеплении. Охранник подбежал, коротко поклонился и отдышавшись сказал:

– Господин командир, там пришел Кори Карим и он хочет с вами поговорить.

– Приведи его сюда, – скомандовал Шер Мухаммад.

Охранник умчался и через минуту вернулся вместе со муллой. Кори был бледен как стена. Он шел быстрым шагом, опираясь на длинную палку. Казалось, что он еще больше постарел, а его морщины стали еще глубже. Сразу было видно, что Кори очень обеспокоен

и находится в состоянии сильного душевного переживания. Старик подошел к Шер Мухаммаду и поприветствовал его и всех стоящих вместе с ним.

– Что с моим сыном? – сразу же после приветствия спросил Кори.

– Узнаете потом у доктора, уважаемый Кори, – ответил ему Шер Мухаммад. Кори посмотрел на Файзали.

– Он жив, но сейчас без сознания, уважаемый Кори, – ответил доктор. – Он лежит вон там, – указал он кивком на навес. – Его состояние на данный момент плохое. Но я сделал все что мог. И еще уважаемый Шер Мухаммад разрешил нам забрать его домой.

Кори посмотрел в сторону, где на топчане лежало тело Хасана. На его глаза навернулись слезы, но он быстро отвернулся и мгновенно вытер их рукавом.

– Лучше скажите, уважаемый Кори, не было ли с вашим сыном что-либо странного в последнее время? – задал ему вопрос Шер Мухаммад.

– Было, уважаемый Шер Мухаммад, – твердо ответил старый мулла, – Я все расскажу и скажу, по чьей вине мой сын сейчас лежит там.

Эти слова вызвали интерес как у Шер Мухаммада, так и у стоящего рядом Абдуззакира.

– Это все этот нечестивый Джамил, – продолжал старик. – Он вчера пришел в мой дом, оскорблял и угрожал мне, моей семье и семье доктора Файзали.

– А почему это Джамил вам угрожал? – уже с интересом спросил Шер Мухаммад.

– Этот пес пришел свататься к дочери уважаемого Файзали. Файзали ему отказал и тогда Джамил стал угрожать и даже вытащил нож. Он успокоился только тогда, когда Хасан достал пистолет.

– Сколько лет твоей дочери? – обратился Шер Мухаммад к Файзали.

– Только что тринадцать исполнилось, – ответил доктор.

– А почему ты отказал? – продолжал интересоваться командир.

– Она ему в дочери годится, – смотря в глаза Шер Мухаммаду произнес Файзали, – И у нас так не положено, чтобы выдавать в таком возрасте девочку замуж, тем более с такой разницей в возрасте.

Шер Мухаммад не решился спросить, подтверждает ли доктор слова муллы, ибо это было бы уже оскорблением для Кори.

– А где это Джамил? Он кажется твоя правая рука, Абдуззакир? – обратился Шер Мухаммад к своему начальнику безопасности.

– Да, так и есть, – кивнул Абдуззакир. – Сейчас найдем его.

Абдуззакир поднял небольшую радиостанцию и вызвал по ней Джамилу. Тот откликнулся сразу. Начальник безопасности приказал Джамилу немедленно подойти к ним. Через пару минут худой афганец стоял уже перед Шер Мухаммадом.

– Ты вчера приезжал к уважаемому Кори в дом? – сразу начал допрос Шер Мухаммад.

– Да, господин, – опустил голову Джамил.

– И что ты там делал? – продолжал командир.

Джамил замялся и помолчав секунду ответил:

– Я ездил к доктору Файзали, чтобы просить выдать его дочь за меня замуж.

– Как съездил?

Джамил стоял молча, опустив голову.

– Отвечай! – теряя терпение, повысил голос Шер Мухаммад.

– Я приехал домой к Кори, – нехотя продолжал Джамил, – я привез подарки и часть выкупа за невесту для доктора Файзали. Но он не согласился отдать мне свою дочь, – Джамил снова замолчал.

– Клянусь Аллахом, если ты сейчас не заговоришь, я отрежу тебе язык, и ты будешь молчать вечно, – пригрозил Шер Мухаммад.

– Мы поругались, – выдавил из себя Джамил.

– Ты угрожал семье уважаемого Кори и доктора Файзали? – спросил Шер Мухаммад.
– Я был очень зол, – попытался оправдаться Джамил. – Шайтан потянул меня за язык.
– Ты вытаскивал нож? – продолжал командир

Джамил молча кивнул.

– Хасан наставлял на тебя пистолет?

Джамил кивнул повторно.

– Куда ты поехал потом?

– Я поехал к уважаемому Абдуззакиру. У него были ко мне поручения, связанные с проверкой этого склада, которая должна была произойти сегодня, – на этот раз быстро ответил Джамил.

– Какая проверка склада? – на этот раз вопрос Шер Мухаммада был адресован Абдуззакиру.

– Господин командир, вы просили меня разобраться с теми неприятными вопросами, которые были у нас в последнее время, – сразу же начал отвечать Абдуззакир. Шер Мухаммад конечно, понял его, речь шла о той чреде потерь и убытков, которые они несли за последний период и с которыми Абдуззакир, как начальник безопасности должен был разобраться, – В связи с этим и из-за того, что за день до этого мы получили крупную партию товара, я решил сегодня проверить это склад на предмет хищений и недостатков. А весь вчерашний вечер Джамил допоздна был у меня.

– Ты подозреваешь моего сына в воровстве?! – неожиданно вскипел Кори.

– Что вы, уважаемый Кори, – поспешил успокоить муллу Абдуззакир, – нет конечно. Извините, если я обидел вас. Это обычная проверка. Я провожу ее на всех складах, а за этим складом надо было следить в двойне, в связи с ценным грузом. Я даже намерен был усилить охрану.

– А Хасан знал о проверке? – задал очередной вопрос Шер Мухаммад.

Абдуззакир посмотрел на Джамилу.

– Да, – утвердительно кивнул тот, – Я сказал ему вчера. Это все слышали: и ваш человек, и гость, и Пудар, и охранники, и грузчики, и даже мальчишка, который записывал тут все.

– Какой мальчишка? – заинтересовался вновь открывшейся подробностью Шер Мухаммад.

– Мой сын умеет писать, читать и считать, – ответил Файзали, – поэтому Хасан попросил его помогать ему на складе.

Шер Мухаммад видел, что ситуация становится все запутанней и интересней. Однако, каким-то шестым чувством он ощущал, что за всеми этими нитями и хитросплетениями мелькнула тень истинного врага, который вознамерился скинуть старого полевого командира с его места.

– Я полагаю, что необходимо выслушать Хасана, как важного свидетеля, – заговорил Абдуззакир. – Уважаемый, доктор, когда он очнется?

– Я даже не могу сказать выживет ли он, – ответил Файзали. – В данном случае, как никогда, на все воля Аллаха.

– Какая жалость, – погрузился Абдуззакир.

– А что делать с этим нечестивцем? – спросил дрожащим голосом Кори, указывая на Джамилу.

– Вы его обвиняете в чем-либо, уважаемый Кори? – быстро спросил Шер Мухаммад.

– Я говорю, что он причастен к несчастью с моим сыном. И он угрожал моей семье! – не унимался старик.

– За то, что он угрожал вашей семье, Кори, он ответит и будет наказан. А у вас есть доказательства его причастности к данному происшествию? – продолжал Шер Мухаммад

Кори замолчал и опустил голову.

– Значит, нет, – резюмировал Шер Мухаммад. – Теперь идите домой, уважаемый Кори. А вы, доктор, заберите Хасана и тоже езжайте.

Кори и Файзали попрощались, и доктор, поддерживая старого муллу, направились к телу Хасана, чтобы погрузить его на машину и уехать домой.

Воспользовавшись случаем, поклонившись, тихо исчез и Джамил.

– Что думаешь, Абдуззакир? – обратился Шер Мухаммад к своему начальнику безопасности.

– Пока говорить мало о чем можно, – пожал плечами Абдуззакир. – Все это очень похоже на то, что кто-то скрывал следы недостачи или хищения на складе. Вдруг что-то пошло не так и...

Шер Мухаммад с любопытством посмотрел на главу безопасности:

– Ты намекаешь на Хасана?

– Господин, я никого не имел в виду. Пока я еще не все выяснил. Хасан тут был главным, но кроме него на складе постоянно работало еще несколько человек: счетоводы, учетчики, несколько смен охраны, они же грузчики. Надо всех опросить. Я лично внимательно осмотрю все место. Потом можно будет делать выводы, – ответил тот.

– Все верно, – кивнул в знак одобрения Шер Мухаммад. – Абдуззакир, – переверни тут все, допроси всех, включая этого таджикского мальчишку. Выясни все обстоятельства происшествия. Да, и накажи этого Джамила, за его выходки.

– Будет исполнено, – поклонился Абдуззакир.

С этими словами Шер Мухаммад прошел к своему черному внедорожнику, сел в открытую его охранником дверь и приказал водителю ехать в Шахрак. За ним тронулись еще две машины с охраной. Кавалькада автомобилей, быстро набрав скорость, вскоре исчезла из виду на дороге, ведущей в город.

Абдуззакир проводил кортеж долгим взглядом. Ему предстоял долгий день.

Следствие шло активно. В первый же день были опрошены все работники склада, включая когда-либо привлекавшийся временно грузчиков и, конечно, Ануша.

Допрос мальчика проводил сам Абдуззакир. Но он вспомнил его по происшествию на границе при транспортировке наркотиков, в связи с чем тон его допроса был более дружелюбным, хотя сама процедура заняла достаточно времени. Анушу пришлось детально рассказать о всем, чем он и семья доктора Файзали занимались последнее время, как и чем он помогал на складе Хасану, что произошло накануне в доме Кори и так далее. Абдуззакир, как показалось мальчику, остался доволен ответами и Ануша отпустили спустя два с половиной часа допроса. Он вернулся в дом Кори усталым и лег спать, даже не поев. В этот день его никто ни о чем не спрашивал. Зато на завтра ему пришлось пересказать все, что было на допросе Кори, Файзали и Хусейну. Кстати на следующий день и доктора, и муллу, и Хусейна тоже вызывали на допрос, но он был больше формальным. После двух суток непрерывных допросов и осмотров места происшествия Абдуззакир покинул селение Дарахтисеб и направился на доклад к Шер Мухаммаду в город Шахрак.

Событием этого же дня стало возвращение семьи Хасана. Практически вся улица на которой жил Хасан слышала горестные завывания его жены, как и за день до того вся улица, на которой жил Кори, слышала вопли его матери. Самого Хасана, который все еще был жив, но не пришел в себя перевезли из дома Кори в его собственный дом, где за ним могла постоянно следить жена и дочери. Файзали, через появившиеся знакомства среди представителей международных организаций смог достать кое-какие необходимые лекарства и теперь старался проводить лечение Хасана, как мог. Но положение сына Кори оставалось неизменным.

Вот уже три дня прошло с момента, как уехал Абдуззакир. О всколыхнувшем размеренный поток жизни селения события продолжали говорить, но, постепенно огонь интереса угасал, потому что ничего больше не происходило. Никаких последствий, никакого разбиратель-

ства, только на складе копошились работники, нанятые Шер Мухаммадом из местных жителей, которые расчищали площадку перед сгоревшим складом, увозили мусор, и вообще приводили все в порядок.

Ануш, как обычно, принес обед Файзали в больницу. Мадину все еще опасались выпускать далеко из дома. Возле дома, где размещалась «клиника» Файзали стояло несколько человек, в основном женщины, некоторые из них в парандже, а некоторые просто с завязанным на голове платком, закрывающим волосы и даже часть лица, держали за руку детей.

Файзали заканчивал осмотр пациента. Это был мужчина, который сидел у окна с открытым ртом и высунутым языком, а доктор что-то тщательно рассматривал у него во рту. Ануш, как всегда, остановился у входа в «приемную» в передней.

– В общем так, – закончив осмотр сказал Файзали, – уже лучше. Но продолжай полоскать горло отваром из тех трав, что я тебе дал и пей ту настойку.

– Да хранит вас Аллах, доктор, – улыбнулся пациент. – Я могу идти?

– Да, иди, – кивнул Файзали.

Пациент, встал со своего места и поздоровавшись с Анушем вышел из помещения.

– Дядя Файзали, я обед принес, – объявил доктору Ануш. – Я тут...

Слова мальчика прервал звук резко распахнувшейся двери. Ануш даже не успел обернуться, как в приемную буквально влетела нечто бесформенное напоминавшее приведение в балахоне серого цвета. Оказалось, это была невысокая женщина, закутанная с ног до головы в паранджу с небольшой сеточкой на уровне глаз. Не обращая ни на кого внимания на окружающих женщина бросилась к Файзали:

– Доктор Файзали! Доктор Файзали! – кричала она тонким, запыхавшимся от бега голосом, – Это я Мавлюда, жена Хасана! Там... Там... Хасан очнулся!

Файзали вскочил с места как ошпаренный:

– Давно? – спросил он.

– Только что. Скорее, доктор! – молила Файзали женщина.

– Ануш, – обратился доктор к мальчику, – беги к Кори, скажи, что Хасан очнулся. Я иду туда.

Мальчик, не задавая лишних вопросов выбежал из больницы и со всех ног помчался к Кори.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.